

КУЛЬТУРА ВОСТОКА

ХЕТТЫ

И

ХЕТТСКАЯ
КУЛЬТУРА

„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1828/5

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Д13 $\frac{7}{58}$

КУЛЬТУРА ВОСТОКА

ХЕТТЫ

и

ХЕТТСКАЯ КУЛЬТУРА

Статьи: Ж. КОНТЕНО и проф.
А. ЗАХАРОВА. Тексты ХЕТТ-
СКИХ ЗАКОНОВ (перевод).
Редакция и предисловие проф.
И. Н. БОРОЗДИНА.

С РИСУНКАМИ и КАРТОЮ

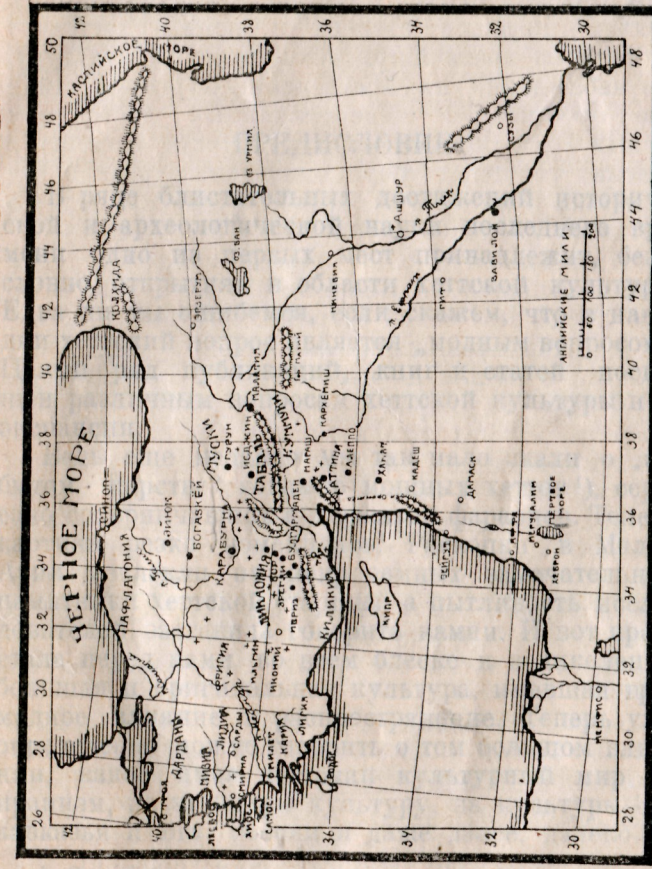
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — МСМХХIV — ЛЕНИНГРАД.

Ленинградский Гублит № 3292 Печ. 2150 экз. Гиз. № 5721.
 Ленинград, тип. „Коминтерн“ Изд-ва „Красная Новь“ Екатеринбургский, 87.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
 ИСТОРИЧЕСКАЯ
 БИБЛИОТЕКА

1088078

КАРТА ХЕТТСКОГО МИРА.

ПО КОУЛЕЮ.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В ряде блистательных достижений исторической и археологической науки последнего времени одно из первых мест принадлежит, безусловно, открытиям в области хеттской культуры. Едва ли мы ошибемся, если скажем, что в наши дни хеттский вопрос является „модным вопросом“. Целый ряд публикаций, книг и статей посвящен различным вопросам хеттской культуры и ее экспансии.

Ведь еще недавно мы так мало знали о „забытом царстве“ когда-то мощных хеттов¹⁾, серьезно соперничавших с державой фараонов. Теперь картина резко изменилась. Раскопки в Малой Азии извлекли из недр земных замечательные памятники хеттской старины, а пытливость исследователей заставила говорить камни. И вот предстала перед нами во всем блеске и великолепии большая и оригинальная культура, имевшая громадное влияние и распространение. Теперь уже определенно можно говорить о том большом влиянии, какое имел хеттский культурный мир на иранизм, на эгейскую культуру, на культуры Закавказья и юга России и даже далее, далеко на

¹⁾ Ср. Сайс — Хеттен или история забытого царства. М. 1902; Б. А. Тураев. — К истории хеттского вопроса. СПб. 1901.

север. Превосходная работа Б. В. Фармаковского — „Архаический период в России“ убедительнейшим образом доказала степень и формы хеттского влияния на древнейшую южно-русскую культуру. Его наблюдения над Майкопским курганом стали уже прочным и общепризнанным достоянием ученых. Г. И. Боровка отметил хеттские элементы в женских головных уборах скифских курганов. Несомненно, и во многом другом очень приходится считаться с интенсивнейшей хеттской культурой.

В недавней очень свежей статье молодой турной экспансией. Влияния эти не ограничивались пределами седой старины; нет, эволюционируя и трансформируясь, они прошли чрез чреду столетий и дошли до наших дней. И вот теперь, в XX веке, на узорах полотенец наших северных губерний мы находим в сильно стилизованном и схематизированном рисунке изображения хеттской „великой матери богов“ и перед ней двух адорирующих всадников. Но не только в области чисто внешней культуры уцелело влияние хеттов. В существующих до сих пор малоазиатских сектах исследователи усматривают пережитки хеттских религиозных представлений. Если таковы пережитки, то какова же была действительная мощь хеттской культуры!

Раскопки, веденные в различных местах бывшей державы хеттов, дали богатейший материал. Кроме памятников изобразительных искусств, определенно устанавливающих исключительный вклад, внесенный хеттами в мировую сокровищницу искусства¹⁾, раскопки в Богаз-Кее, совершенные под

¹⁾ См. Pottier—L'art Hittite („Syria“ 1921).

руководством знаменитого ассириолога Гуго Винклера, открыли целый царский архив с рядом документов. Обнаруженные письменные памятники подняли на ноги чуть не всех специалистов. И то, что называется теперь „хеттским вопросом“ в узком смысле слова, это, в сущности, вопрос о дешифровке хеттских писем. Если некоторые первые опыты оказались неудачными, то теперь наличие больших успехов в этом отношении уже налицо. Одно опубликование новооткрытых хеттских законов чего стоит!

Настоящая книжка, имеющая целью ознакомить читателя с главнейшими успехами в области хеттологии, включает в себе общий очерк „Хетты“, написанный выдающимся французским специалистом по переднеазиатской истории Ж. Контено, статью о культуре хеттов проф. А. А. Захарова и перевод новооткрытых законов. Статья Контено дает общую характеристику хеттов и их исторического значения; ее излишняя краткость помешала, однако, автору коснуться многих существенных вопросов. Статья проф. А. А. Захарова дополняет и углубляет первую статью, давая соответствующий очерк на основании новейшей научной литературы. Большую и ценную новинку представляют только что появившиеся в немецком переводе хеттские законы.

Древний Восток уже обогатил нас замечательным кодексом Хаммураби, недавно открытыми законами ассирийских царей и давно известным древне-еврейским законодательством. Появление на ряду с ними хеттских законов ставит на очередь их сравнительно-историческое изучение с соответствующими социологическими выводами.

Немецкий переводчик законов д-р Фридрих и редактор перевода проф. Циммерн указывают, что их перевод является предварительным. Не все ими еще вполне разобрано, немало также неясностей в самом переводе. Как указывают названные ученые в предисловии, скоро ожидается французский перевод законов, сделанный выдающимся специалистом проф. Грозным, давшим научную публикацию законов в „Keilschrifttexte aus Boghazköi“, 6. Конечно, при наличии двух переводов можно будет легче разобраться в некоторых трудных и неясных статьях законов.

Хеттские законы дошли до нас не в целом виде, имеется ряд пропусков, нет вступления и заключения. Тексты помещены на двух таблицах (№ 1 и № 2) и разбиты на отдельные статьи. Хронологически хеттские законы датируются концом XIV и началом XIII столетия до р. х. Они относятся ко времени известного противника Рамсеса II, царя Хаттушила и его ближайших преемников. Несмотря на неполноту и некоторую несистематичность, законы эти дают множество чрезвычайно интересных данных¹). На основании их конструируются, хотя бы частично, черты хозяйственных и социальных отношений, политического строя и бытового уклада.

Такие статьи, как бесконечные статьи о различного рода воровстве и ущербе, приносимых хозяйству, дают ряд примечательных косвенных данных относительно экономического момента. В этой же связи отметим статьи (№ 2, 63—72),

¹) Ср. мою статью—„Хеттские законы“ („Новый Восток“ кн. 4. М. 1923).

таксирующие различные предметы, по преимуществу продукты первой необходимости. Таким образом, задолго до знаменитого закона о „maximum“ Диоклетиана древний мир знал узаконенную таксацию предметов купли-продажи. Не даром исследователи ищут восточные корни Диоклетиановой реформы. Восток дал и Пальмирский тариф. „Твердые цены“ по хеттским законам интересны и тем, что они указывают на любопытный момент развития царской власти, действовавшей в то время, повидимому, в духе просвещенного абсолютизма. На последнее указывают усиленные ссылки в разных статьях на суровое прежнее законодательство и на новую гуманную реформу. В известной гуманности хеттским законам нельзя отказать. Отношение к рабам, являющееся вообще хорошим показателем, весьма толерантно. Раб отнюдь не является только вещью—„говорящим орудием“. Очень интересно указание на развитие мужского и женского поделного труда с определенной, таксированной платой.

Обращая внимание статьи, характеризующие наличие известного военного феодализма и ленной системы у хеттов. К сожалению, эти статьи дошли не вполне отчетливо. Отметим, что лены получались не только от царя, но и от городов.

Богатейший материал дают законы и для бытового уклада хеттов. Сакральные обычаи, связанные с правом первой заимки и освящением границ, очень характерны. Ценно для этнолога и историка ранних религий указание на магическое значение змей.

Но в цикле бытовых статей особое внимание обращают статьи, которые касаются нарушения

нравственности. Нельзя не отметить довольно своеобразного и часто неожиданного подхода хеттского законодательства к этим вопросам. Уzakонена полигамия, признана педерастия, разрешено сожителство с родственниками, а для рабыни и проститутки предоставляется широкое право кровосмешения. Нарушение супружеской верности заслуживает высшей меры наказания, но в соответствующих статьях допущены смягчающие оговорки. Немало места уделено содомии (скотоложству); здесь обращает особое внимание своеобразный отбор животных, с которыми подобного рода акты наказуемы или нет. В общем, статьи, регулирующие нравственность хеттов, отнюдь не свидетельствуют об их излишнем ригоризме.

И новооткрытые законы, и другие имеющиеся источники должны объединить в деле изучения значительной и богатой культуры хеттов социологов, историков, этнологов и юристов. Надо надеяться, что недалеко то время, когда „забытое царство“ окончательно выйдет из „забвения“...

И. Бороздин

Ж. КОНТЕНО

ХЕТТЫ

До середины прошлого столетия не подозревали о значении цивилизации хеттов, которая в течение второго тысячелетия до нашей эры играла преобладающую роль в Малой Азии и Сирии. Моущество хеттов было таково, что они могли держать в страхе владык Вавилона, Ассира и грозные войска фараонов.

Мы обязаны археологии и эпиграфике тем, что этот народ вышел из того забвения, которое его покрывало. Это свидетельствует о прогрессе этих дисциплин, которые, не давая немедленных практических результатов, какие наблюдаются у других наук, имеют, однако, значение, которым нельзя пренебрегать. Благодаря им, мы с каждым днем лучше узнаем эволюцию мысли наших предшественников и можем прибавить новые главы к тысячелетней истории человечества.

До 1872 года источником наших познаний о хеттах были только библейские рассказы, ибо, когда греческие авторы познакомились с Востоком, моущество хеттов давно уже исчезло даже из памяти людей. Сама библия, составленная в большей своей части после политического упадка хеттов,

говорит о них только отрывочно, поскольку они находились в сношениях с Израилем, и лишь при внимательном изучении отдельных мест можно отметить могущество этого народа; чаще всего он упоминается среди других племен без истинной политической и количественной оценки той силы, с которой должны были бороться израильтяне, когда они поселились в стране.

Заметим кстати, что критика отказалась теперь от несправедливого недоверия, в котором она держала в конце XVIII и начале XIX веков Библию, как исторический источник.

Совершенно очевидно, что ошибки, которыми мы обязаны переписчикам, могли исказить текст и иногда даже мысль первоначальных авторов, которых не понимали их преемники; тем не менее, в ее целом, историческая достоверность Библии сохраняется. Археологические открытия последних лет, находящиеся в связи с известными историческими рассказами ветхого завета, подтвердили в данных пунктах его точность. Книга Бытия (XXIII, 3) сохранила нам воспоминание о хеттах, живших в Палестине во времена Авраама (приблизительной датой которых является начало II тысячелетия до нашей эры). Когда умерла Сарра, жена патриарха, Авраам купил в Хевроне у хеттов, которые являлись главными обитателями страны, пещеру, чтобы ее похоронить. Хеврон же находится приблизительно на той же широте, что и Аскалон. Книга Числ (XIII, 29) отмечает, что когда Моисей послал разведчиков в Ханаан (около 1150 до р. х.), эти последние, описывая засельников страны, отмечают, что хетты, иевусеи и аморриты населяли гору. Когда „Предвечный“

определяет Иисусу Навину (I, 4) границы Израиля, он отводит ему: „все земли хеттов к заходящему солнцу до большого моря“. Здесь есть традиционное воспоминание о народе, который занимал область гораздо ранее прихода израильтян в Палестину. Преобладающая роль этого народа при основании крупных городов — между прочим, Иерусалима — не забыта. В проклятиях Иезекииля, пророк говорит городу: „твой отец был аморец, твоя мать хеттеянка“ (XVI, 3).

Израильтяне, после своего расселения, берут жен среди обитателей страны, т. е. среди хеттов (Книга Судей, III, 5—6), что сделал когда-то Исав, женившись на Юдифи и Васемате (Бытие, XXVI, 34). И напротив, когда библейские рассказы сообщают факты, современные тем, кто их записал, хетты нам кажутся уже менее значительными, такими, какими они были в глазах лиц, редактировавших ветхий завет. Таким образом Соломон обращает в рабство тех из них, которые не удались из Палестины при появлении израильтян (I Царств., IX, 20 и II Паралипоменон). Но если в данный момент хетты Палестины политически малозначительны, другие, населяющие север Сирии, все же могущественны.

У них богатые цари, выписывающие себе лошадей из Египта, их войска внушают ужас, т. к. упоминается о панике в лагере сирийцев, врагов Израиля: думали, что царь израильтян подкупил царей хеттов и Египта, чтобы повести их против них (II Царств., VII, 6).

Другие библейские свидетельства, которые упоминают о хеттском городе Кархемыше на Евфрате (II Паралипоменон, XXXV, 20; Исаия, X, 9), вводят

нас уже в исторический период, к тому же хорошо подтвержденный документами.

По мере того, как переводились египетские тексты, там находили упоминания о народе, который мы изучаем. Египетский фараон Тутмос III встречается Kheta в экспедициях в Сирию; так, по крайней мере, обычно транскрибируют египетские иероглифы в этом имени, гласные которого, а следовательно и точное произношение, неизвестны, и которое последующие открытия позволяют отождествлять с хеттами. Аменхотеп III женится на сирийке, без сомнения хеттского происхождения; Сети I, Рамсес II — разбивают союзные ополчения их князей. Приблизительно с 1100 г. египетские тексты не упоминают более об этом народе. С этого момента эра великих египетских походов в Сирию заканчивается, и новые населенники средней Сирии (филистимляне и израильтяне в соединении с финикиянами) образуют достаточно непроницаемую стену, чтобы помешать Египту смотреть через нее.

Пользуясь ассирийскими текстами, перевод которых является заслугой последней четверти XIX века, мы можем быть точнее. Не говоря уже о пророческой таблетке (относящейся ко времени Саргона, древнего царя Агаде—XXVIII в.,—но редактированной в значительно позднейшую эпоху), которая упоминает о хеттах, мы с ними встречаемся в рассказах о походах ассирийских царей, датированных началом первого тысячелетия и которые их нам показывают к северу от Евфрата могущественными и организованными, а затем постепенно поглощенными ассирийскими завоеваниями.

Во времена Саргона II (VIII в.), строителя Хорсабадского дворца, памятники которого находятся в Лувре, — город Кархемыш, столица хеттского царства, расположенная на Евфрате к северо-востоку от Алеппо — была захвачена ассирийским царем, что и явилось концом этой империи. Вследствие этого и за отсутствием других данных, к концу прошлого столетия составилось (согласно библии, египетским и ассирийским текстам) убеждение, что хетты были могущественным народом, мирно расселившимся в Сирии и даже в Палестине в ранние эпохи, а затем они были постепенно оттеснены к северу, где удержались приблизительно до VI в. до нашей эры.

Тем временем находки участились. В 1870 г. два американца, А. Джонсон и Д. Джессуп, проезжая через Хамат на Оронте, заметили в этом городе камни, вделанные в стены жилищ, со странными знаками, напоминающими египетские иероглифы. Эти камни были описаны в 1812 г. путешественником Буркгардтом, но после они никого не занимали. Оба путешественника должны были отказаться от мысли снять копии надписей, в виду враждебного отношения туземцев.

После долгих перипетий Райту, воспользовавшемуся присутствием в Хамате вали провинции, который совершал инспекторскую поездку, удалось скопировать надписи и перенести эти камни в Константинопольский музей (1872 г.).

Как только внимание было привлечено этим родом надписей, их стали обнаруживать в Алеппо, Джерабисе, — на Евфрате, затем в Киликии по другую сторону Тавра, в Изризе, на правом берегу Галиса в Богаз-Кёе и в Эйюке, далеко на запад

в М. Азии — короче на чрезвычайно большом пространстве.

Со своей стороны два француза Перро и Гийом, во время разведочной археологической поездки в М. Азии (1861 г.), описали группу памятников того же стиля, часто украшенных теми же неизвестными знаками. Возобновилась мысль, что все эти памятники и надписи могут быть приписаны тем хеттским народам, которых тексты нам показывали такими могущественными в продолжение столь длительного периода.

Первым, кому мы обязаны формулировкой этого положения, которое позднейшие открытия показывали глубокообоснованным, был ученый ориенталист А. Сайс.

Находка Тель-Амарских писем подтвердила все предполагаемое значение хеттов. Эти письма, которые датируются XV в. до нашей эры, написаны клинописными знаками на глиняных табличках; они были найдены в Тель-Амарне в Египте, месте древней столицы фараонов Аменхотепов III и IV.

Это дипломатическая корреспонденция, посылаемая азиатскими монархами, — более или менее зависимыми от фараонов Египта, — к их сюзерену.

В этих письмах правители или царьки Финикии постоянно жалуются на возрастающую дерзость и захваты хеттов; переписка содержала сверх того письма царя Арцавы и царя Митанни. Царство Митанни занимало всю северную часть позднейшего ассирийского царства, т. е. современную Армению.

Местоположение царства Арцавы до сих пор не определено точно: письма, которые происходят из этой области, написаны вавилонскими клино-

писными знаками, следовательно доступными для прочтения, но на языке пока непонятном.

Последние по дате открытия, решительно подвинувшие вперед этот вопрос, сделаны Винклером и Макриди-беем в Богаз-Кёе, в центре извилины Галиса, в 1906 г. Они открыли в этом нагромождении мусора развалины значительного города, который считался Птерией по ту сторону Галиса, когда-то взятой штурмом Крезом. Там было найдено около 20.000 документов цельных или фрагментарных, написанных клинописными знаками и которые были признаны за государственные архивы.

Их чтение дало уверенность, что Богаз-Кей был столицей хеттов, которым следует приписать все нами упоминавшиеся памятники.

Благодаря этим архивам и другим клинописным документам сделалось возможным восстановить историю хеттов за довольно длительный период времени. В начале II тысячелетия хетты достаточно могущественны, чтобы напасть на Вавилон, управляемый тогда династией, основанной великим законодателем Хаммураби, свод законов которого находится в Лувре. Хетты, очевидно, не воспользовались своей победой, т. к. с XVIII в. мы находим в Вавилоне утвердившиеся на многие сотни лет — коссеев (касситов), пришедших из Элама (древнее название Персии).

Подозревалось некоторое этническое родство между хеттами и коссеями, но вопрос далеко не решен; родство это более очевидно между хеттами и митаннийцами, которые занимали тогда север Ассирии.

Середина второго тысячелетия является эпохой распространения египетского могущества. Царства Ассира и Вавилона не имеют еще в М. Азии главенствующего положения, которое они займут впоследствии.

Единственным народом, способным создать оппозицию египтянам, являются хетты, но они показывают себя ниже своего назначения. Тутмос III достигает Евфрата у Кархемыша (соврем. Джерабиса). Успех возвращается к хеттам в царствование Аменхотепа IV; они проникают повсюду и счастливым ударом захватывают египетские города и посты. В этот момент хеттская империя не является объединенной, какими будут вавилонская и ассирийская империи; она представляла конфедерацию, столицей которой являлся Богаз-Кей и которая распространялась на большую часть М. Азии и на всю Сирию.

Властитель Богаз-Кея приобретает все большее и большее значение и с этого момента делается верховным главой конфедерации, великим царем, о великих деяниях которого во время правления повествуют архивы, найденные в 1906 г.

Царь Суббилулиума жил во время Аменхотепов III и IV (XV в.). Он заручается дружбой митаннийцев, с которыми воевали его предки, чтобы с большими средствами сопротивляться намерениям египетского фараона. Ничто не дает нам большего впечатления могущества Суббилулиумы, как чтение Тель-Амарнских писем, о находке которых я говорил выше.

Царь хеттов пишет фараону, как равный равному, и ведет против него партизанскую войну.

не объявляя ее. Осмелится это сделать один из его преемников — Муталлу.

Он открывает враждебные действия против Египта, но он уже более не встречается в качестве противников слабых фараонов, которых знали его предшественники. Навстречу ему идет Рамсес II. Сражение произошло при Кадеше на Оронте, на высотах Хомса, одной из самых сильных хеттских крепостей в Сирии. Это было жестокое сражение, и противник показался достаточно грозным, чтобы Рамсес II считал эту битву одним из самых значительных деяний своего царствования. Все перипетии известны нам благодаря Пентауру, поэту-scribe, который описал подвиги своего господина.

По приказанию фараона изображение битвы было высечено на стенах храма в Карнаке. В действительности победа египтян была далеко не полной. Муталлу отступил в Кадеш, и Рамсес не рискнул его преследовать. Хаттушил — преемник Муталлу — следовал политике своего деда. На востоке он обезопасил себя от Митанни и Вавилона крепким союзным договором, держал под своим контролем аморритов, населявших север Сирии, чтобы всецело посвятить себя борьбе с Египтом. Рамсес, окончательно отчаявшись победить его, подписал договор с царем хеттов (около 1280 г. до Р. Х.).

Текст этого договора, к счастью, дошел до нас; мы уже ранее знали египетский текст: в Богаз-Кее, была открыта вавилонская редакция; благодаря ей мы знаем, что хеттский оригинал был выгравирован на серебряных пластинках, и мы имеем описание печати хеттского царя, но этой хеттской редакции нам до сих пор не достает.

В этом договоре царь хеттов не рассматривается более, как „низкий, подлый kheta“ египетских текстов в период борьбы этих двух народов: он выступает, как равный фараону. Союз двух стран будет наступательным и оборонительным, каждый из царей соглашается выдавать непокорных и ослушников союзного государства. Укрепят эти новые узы дружбы браки между царскими семьями.

То, чего не могли сделать египетские цари, выпало на долю царей Ассирии. Салманассар I указывает в одной из своих надписей, что он покори́л страну Митанни и при этом устроил резню среди хеттов, которые ей помогали.

Архивы Богаз-Кея ведут нас приблизительно до этой даты, до XII в. до Р. Х.; после пролить свет должны ассирийские источники. Около 1120 г. Тиглатпалассар I разбивает хеттскую конфедерацию и отнимает у нее Сирию. На западе новые пришельцы из Европы, наводнившие М. Азию — муски — подрывают хеттское могущество. И мы видим, что Кархемыш, бывший всегда могущественным, как город конфедерации — занимает место, утерянное Богаз-Кеем.

В 877 г. городом овладевает Асурназирпал, царь Ассирии, который требует с него тяжелой дани. Его преемники часто подавляли слабые попытки хеттов, постоянно замешанных в коалиции, направленные против первых различными сирийскими племенами с целью добиться независимости.

Это был период интенсивного движения, когда борьба двух империй продолжалась без перерыва, но Ассирия достигала апогея своего могущества,

В то время как хетты клонились к упадку; они понесли окончательное поражение в 717 г., как мы уже сказали, от Саргона II, который посадил ассирийского правителя в Кархемыше.

Без сомнения, и теперь у нас еще много пробелов в нашей исторической осведомленности, и к тому же я здесь даю лишь очень сжатый очерк, но то, что мы знаем, показывает, какая роль была сыграна в передней Азии во II тысячелетии этим народом, о котором почти ничего не знали полвека тому назад.

У народов глубокой древности большую роль играет религия, и нам хотелось бы познать религиозные концепции передней Азии, как мы уже знаем таковые у других народов. К сожалению, здесь источники более редки, и их перевод еще недостаточно подвинут, чтобы мы могли иметь точное представление о религии хеттов; при этом изучении нам очень помогут изобразительные памятники, благодаря сопоставлениям с памятниками соседних стран, и к тому же мы можем воспользоваться свидетельствами греков и римлян.

Конечно, они не знали хеттов непосредственно, но в М. Азии на развалинах их империи утвердились новые народы, напр. фригийцы и лидийцы, которые, развивая свою культуру, многое заимствовали у своих предшественников.

На Востоке ничто так не устойчиво, как религиозные влияния, и, когда греки и римляне столкнулись с Фригией и Сирией, традиции были еще настолько сильны, что они подверглись их влиянию при создании своего пантеона.

Весьма вероятно, что первая и очень древняя стадия хеттской религии определяется обоже-

ствлением сил природы: ручьев, рек, гор, лесов. На эти верования нам указывают остатки памятников, которые мы находим в различных пунктах.

Но человеческая мысль роковым образом и в очень короткое время, как и везде, потребовала для своего божества более конкретную форму: это уже был дух, гений ручья, горы, леса, которому поклонялись и который был конкретизирован в образе человека или животного. На высшей стадии развития, той, которая нам дана в грандиозных скульптурных памятниках, мы видим, что пантеон развился и приблизился к месопотамскому. Некоторые боги выплыли из общей массы второстепенных божеств, которых чтит в различных центрах страны, и мы находим двух или трех богов законченного типа, которых хетты изображали в человеческом образе, с соответствующими атрибутами, предназначенными для их отличия. Так можно узнать великого бога стихии Тешуба как у хеттов, так и у соседних племен, между прочим ванцев и митанни. С коническим головным убором, откуда выбиваются его волосы, он одет в короткую тунiku, стянутую на талии, обувь имеет форму туфель с приподнятым носком. В руке он держит свой атрибут — молнию в виде трезубца с излучистыми остроконечиями. Иногда художник изображает его стоящим на животном, преимущественно на тельце, иногда на маленьких возвышенностях, которые должны изображать горы.

Мы находим на сирийском берегу вариант вавилонского бога Адада: сам Ягве в Палестине изображается, как бог горы, окруженный молниями, эпизоды библейского золотого тельца в доста-

точной мере напоминают роль, какую играл телец в местных культах. Атрибуты животных могут действительно рассматриваться как примитивное божество, из которого мало-по-малу вылился бог антропоморфный, или же как животные, являвшиеся в некоторых памятных обстоятельствах помощниками или соперниками божеству.

Рядом с этим богом стихии, символизирующим производительные силы природы, стоит великая мать — начало плодovitости и плодородия, роль которой в хеттском пантеоне являлась преобладающей. Эту богиню мы находим во всей передней Азии и в греко-римской религии. В Вавилоне и на сирийском берегу — это Иштар, которую позднее будет воплощать Венера, изображаемая или в образе обнаженной женщины, en face, с руками, положенными на грудь, или же раздевающейся перед верующими. В М. Азии ее охотнее изображают в длинных одеждах, с цилиндрическим головным убором, откуда ниспадало длинное покрывало. Художник имел скорее в виду образ, позднее символизируемый Деметрой.

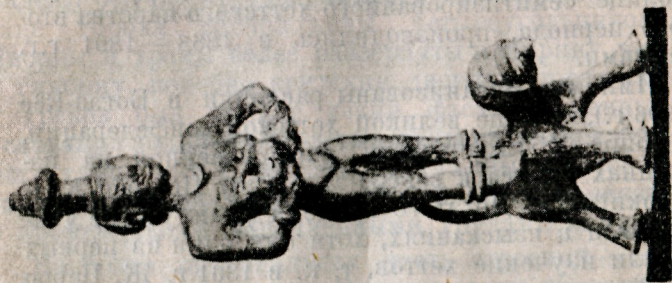
Бог Тешуб (стела из Вавилона).

В передней Азии этот культ был очень популярен: в Месопотамии известен эпизод сошествия Иштар в преисподнюю; во время ее пребывания среди мертвых, всякая жизнь и произрастание на земле прекращались.

Третьим значительным образом хеттского пантеона является юный бог, очевидно сын предыдущей пары. Безбородый, в короткой одежде, с кинжалом на боку, он держит двустороннюю секиру. Вероятно, второй образ великого раннего божества, которое нужно рассматривать в его отношениях к растительному царству. То же явление произошло в передней Азии с Таммузом в Месопотамии и Адонисом в Сирии. Божество, которое прежде всего является духом жатвы, являет в остальной своей сущности недостаточно определенные контуры.

На ряду с тремя главными божествами, хеттский пантеон содержит, подобно соседним странам, ряд второстепенных божеств. Мы знаем это благодаря свидетельству древних, которым были известны позднейшие трансформации этих богов, и благодаря хеттским памятникам, из которых самыми поучительными являются цилиндрические печати и грандиозные скульптуры из Языли-Кайи около Богаз-Кёя, которые нам изображают процессию богов.

Хеттские памятники были найдены на очень растянутом пространстве от крайнего запада в М. Азии до Евфрата на востоке, и вплоть до Мертвого моря—на юге. Все они, следовательно, дают впечатление могущества народа, который их создал. Некоторые из этих памятников были просто найдены путешественниками, по мере того, как

Бронзовые изображения хеттских божеств.

исследования страны учащались; другие получены благодаря организованным методическим раскопкам. Важнейшими являются раскопки в Богаз-Кёе в М. Азии, Зенджирли и Кархемыше в северной Сирии.

Раскопки Кархемыша, современного Джерабиса, столицы последних хеттов, расположенной на Евфрате к северо-востоку от Алеппо, до 1880 г. были начаты англичанами. Прекращенные и снова начатые за последние годы, они продолжают до настоящего времени. Раскопки в Зенджирли — деревушке, расположенной на склонах укрепления Амануса, местоположение которой соответствует столице семитизированного хеттского царства второго периода, производились в 1888 — 1891 г.г. немцами.

Ими же организованы раскопки в Богаз-Кёе (1906 г.), столице великой хеттской конфедерации, в конце II тысячелетия, расположенной на извилинах Галиса к северо-западу от Цезареи Каппадокийской. До этого времени французы не участвовали в изысканиях, хотя они одни из первых начали изучение хеттов, т. к. в 1861 г. Ж. Перро и Гийом расчистили памятники Богаз-Кёя, которые в 1893 г. Э. Шантр обследовал снова.

Этот пробел будет возмещен: французская миссия только что совершила первые работы на предполагаемом местоположении Кадеша на Оронте, где произошла встреча Рамсеса и хеттской конфедерации.

Все обнаруженные памятники могут быть разделены на две группы: малоазийскую (к северу от Тавра) и сирийскую (к югу от Тавра). Благодаря раскопкам в Зенджирли и Кархемыше си-

рийская группа численно значительнее. При общем поверхностном взгляде на эти памятники поражало их сходство с ассирийским искусством. Впоследствии новые открытия и более внимательное изучение опровергли это предположение.

Хеттские памятники бесспорно предшествуют достижениям ассирийского искусства, и в хеттском искусстве можно видеть вдохновителя ассирийского.

Хеттская архитектура представляет известные особенности: план городов (Зенджирли, Кархемыш, Кадеш) обычно кругообразный, тогда как ассирийские города расположены четырехугольником. Дворцы и храмы более развернуты в ширину, чем в глубину, подобно критским дворцам, тогда как у греков был принят узкий фасад. Каменные основания поднимают толстые стены из необожженного кирпича, т. е. прессованной глины, в которой заключаются деревянные балки, образующие связь, с промежутками, заполненными горами камней.

Наиболее оригинальная часть строений — это ворота хеттских городов. В толще стены проложен узкий проход, снабженный дальше довольно просторными сенями. Посреди этого прохода внезапно открывается налево и направо двор, вымощенный кирпичом.

При входе эти ворота богато украшены преобладающим мотивом хеттской скульптуры: лев, изображенный или в профиль, как бы врезанный в стену, или — en face, и в этом случае художник просто изображал переднюю часть тела, которая как будто отделяется от камней массы.

Строения состоят из ряда дворов, в которые открываются большие или маленькие залы; им предшествует фасад, поставленный на крыльцо, где обыкновенно находятся орнаментированные колонны, поддерживающие навес. Здесь мы имеем еще одну характерную черту хеттской архитектуры—использование колонн, но которая трактована очень своеобразно. Каменной была только база; она несла деревянный столп, который поддерживал сруб крыши, состоящий из балок, покрытых площадкой из утрамбованной земли. Так как у этих колонн не было капители, то все внимание строителя было обращено на базу: эти базы покрыты канеллюрами и скульптурными украшениями; чаще всего они изображают соединение двух сфинксов или львов с человеческой головой, несущих род барабана, на котором поднимается колонна.

Ассирийцы сами признаются, что их часто привлекала архитектура их соседей. Цари Ассирии отмечают в своих анналах, что они воздвигали строения, называемые „хилани“, по хеттским образцам, воздавая тем должное вкусу народа, который они стремились покорить.

Орнаментация здания утверждалась скульптурными барельефами, которые украшали входные ворота, стороны крыльца, дворы и залы внутри: но эти барельефы всегда расположены на плинтусах невысоко от земли. Этот характер и скульптурное использование колонной базы четко дифференцирует искусство хеттское и греческое, которое украшает скульптурой капители и размещает свои барельефы по фризу. Делать иначе не позволяли материалы, употребляемые хеттами, а также асси-

рийцами, которые следовали тем же методам. Барельефы посвящены прославлению божества, что совершенно естественно у древних народов, для которых религия является всем: иногда это — процессии, как в Языли-Кайе близ Богаз-Кёя, где художник высек прямо на скалах, образующих священную ограду под открытым небом, два ряда божеств, которые подвигаются один навстречу другому.

Еще там замечается подробность, излюбленная у хеттов, — боги стоят на животных, которые служат им спутниками или атрибутами.

Этот обычай мы находим на барельефах из Малатии, к северу от Тавра, на Гохма-Су, где божество стихии, потрясая молниями, восседает на спине быка, своим обычным спутнике.

Другие шествия состоят из жрецов и служителей храма; позже скульптура обращается к человеку, и художник изображает царя, его двор и стражу, как в Зенджирли и Кархемыше. Но не является ли царь естественным посредником между человеком и божеством?

Другие сцены являются иллюстрацией ко всем известным эпизодам: на стенах чередуются охоты на львов, чаще всего это охоты, напоминающие подвиги богов и героев.

Наиболее знаменитым, дошедшим до нас, мы должны назвать, среди других божественных изображений, барельеф, высеченный при входе в горшечную мастерскую в Богаз-Кёе, в котором одни ученые хотят видеть царя, другие — амазонку, и который изображает очевидно бога Тешуба, описанного выше, бога стихии, изображенного в своем обычном костюме. Эту скульптуру можно

облизить с барельефом из черного камня, найденным в древней стране Моава, к востоку от Мертвого моря, который находится теперь в Лувре; там изображено схожее божество в профиль, в боевой позе.

Итак, один и тот же мотив найден в Богозах и Палестине, что превосходно иллюстрирует могущество народа, который воздвиг памятники одному и тому же богу в столь отдаленных друг от друга местностях. Мы обладаем рядом фрагментов и хеттского статуарного искусства; все они посвящены прославлению божества.

Из Кархемыша происходит статуя бога, сидящего на троне. Это массивное и грубое изображение, дающее впечатление величия и силы. Из Зенджирли — статуя бога Адада, соответствовавшего Тешубу. Бог изображен стоя, в длинной одежде с турбаном на голове, с кругло подстриженной бородой и с пустыми глазницами, в которые должна была быть вложена инкрустация, чтобы придать больше живости взгляду. Здесь мы опять находим впечатление суровости и силы. В обоих случаях пьедесталом для статуи служили два связанных животных, покрытых родом площадки, несущих бога, аналогично колонной базе.

Обитатели Месопотамии, которые писали на глине, чтобы заверить написанное, пользовались маленькими цилиндрами-печатами, вырезанными еп сгечх, которые они прокатывали по еще сырой глине, чтобы там получилось клеймо печати.

Из этих когда-то чрезвычайно многочисленных мелких памятников многие дошли до нас, тогда как монументальная скульптура этой эпохи встречается значительно реже, в силу тех разру-

шений, которым она подвергалась на протяжении веков.

Вот почему мы ищем у этих цилиндров-печатей значительную долю сведений об искусстве и верованиях первых эпох.

В наиболее древнем периоде, который датируется второй половиной III тысячелетия до нашей эры, искусство цилиндров в своей идее походит на месопотамское искусство, но по своей форме оно уже хеттское, какими будут и грандиозные памятники 10—15 веков спустя. На ряду с цилиндрическими печатами, присущими семитам, появляется плоская печать, украшенная мотивами, обычными в Анатолии и у первоначальных народностей Халдеи; например — фая с распростертыми крыльями или орнамент в виде косы, которым злоупотребляет хеттское искусство и которому предпочтет спираль эллинское искусство.

Вообще, внимательное изучение хеттского искусства показало, что монументальные памятники, одни более ранние, другие современные началу блестящей ассирийской эпохи, являются логическим развитием искусства, представленного цилиндрами; они же находятся в теснейшем родстве с древним искусством Халдеи, так наз. сумерийским; более того, это искусство предполагает близкие сношения с Вавилоном, в кассейский период, когда Вавилон управлялся владыками, пришедшими из Элама, не семитами; оно родственно равным образом эгейскому искусству, образцы которого нам хорошо известны благодаря раскопкам на Крите, Кипре, в Микенах и т. д.

Мы подходим теперь к двум проблемам: к вопросу языка и расы. Документы, оставленные нам

хеттами,—двух родов: одни написаны иероглифическим письмом, отличным от египетского, другие—клинописью. Из клинописных документов одни написаны по-аккадски, т. е. на семитическом языке, обычном в Вавилоне и Ассирии, учитывая местные особенности. Историю хеттов мы знаем т. о. благодаря чтению этих источников, особенно многочисленных в Богаз-Кёе. Другие могут быть прочитаны, но не переведены, т. к. они тоже написаны языком тех отрывков, которые дали нам письма Арцавы из Тель-Амарнской корреспонденции. Проницательность ученых здесь нашла прекрасную пищу для изучения, и за последние года попытки дешифровки следовали одна за другой. Последняя по дате принадлежит пражскому профессору Грозному. Хеттский язык для него является индоевропейским, принадлежа к тому обширному семейству, к которому относится большинство языков наших стран, среди же его многочисленных ответвлений—он наиболее близок к латинскому.

Уже Иенсен относил его к армянскому, который является частью той же группы. Таким образом хеттский язык является наиболее древним из известных индоевропейских языков, если богазкёйские тексты относятся к последним векам II тысячелетия до нашей эры. Эти довольно неожиданные выводы вызвали критику.

Действительно, Грозный констатирует в хеттском языке известное количество не индоевропейских элементов, которые он приписывает заимствованию из кавказских языков; на них говорили, без сомнения, некоторые, сталкивавшиеся с хеттами, народности М. Азии. На этом же базируются

оппоненты (в частности Вейднер), для которых у хеттского языка заимствуют кавказские индоевропейские языки. То немногое, что мы знаем о языках, на которых говорили в Лидии, Ликии и Карию, поставило нас перед так называемой азиатической группой, равно возможное родство которой с хеттским должно быть рассмотрено.

Различие не так ничтожно, как кажется; кроме его большой научной важности оно найдет свое приложение при переводе обширных текстов. Чтобы отдать себе отчет в ценности метода и обоснованности тезиса, нужно подождать этого перевода. Не нужно забывать, как опасно делать филологические сближения между языками, отделенными во времени и пространстве подобными интервалами. Нам недостает для сравнения солидных оснований, и гадательность при восстановлении хеттского языка в данном случае совершенно извинительна. Еще более усложняет проблему то, что хеттские источники употребляют идеограммы, также заимствованные из клинописи, т. е. каждый знак надписания изображает определенный предмет. Т. о. в хеттских надписях часто встречаются знаки, смысл которых известен, потому что они изображаются в вавилонских надписях, но неизвестно, как их произносили хетты, что отнимает у нас элементы нужные при изучении морфологии языка. Может показаться, что нетрудно дешифровать хеттские иероглифы, обильные коллекции которых были обнаружены раскопками в Кархемыше, если мы имеем в качестве прецедента дешифровку египетского языка. Однако это не одинаковые проблемы. Чтобы прочесть текст неизвестного языка, нужна двуязычная надпись, т. е. надпись, которая перево-

дила бы первую на известный нам язык и которая содержала бы несколько собственных имен.

Нужно также знать тип языка, подлежащий дешифровке. Тогда можно без труда найти в неизвестном тексте эквивалент известных собственных имен; т. о. определяют некоторые знаки письма, которыми пользуются для дешифровки других слов.

В них предположительно устанавливают значение неизвестных знаков, пытаясь образовать вероятные слова, считаясь с предположенной группой восстанавливаемого языка.

Но в хеттских текстах нет билингв; более того, неизвестно, какой приблизительно язык скрывают иероглифы. Единственная имеющаяся нить заключается в печати, на которой имя обладателя написано клинописью и хеттскими иероглифами. Толкователи принялись за работу, взяв ее за отправной пункт, и по этому вопросу появились многочисленные исследования. Они дали мало результатов; каждый автор произвольно клал в основание своей системы принадлежность хеттского языка к семейству уже известного языка, стремясь угадать слова этой группы под иероглифами.

Тем не менее некоторые знаки, определяющие божество, царские функции, названия стран, кажутся более или менее достоверно выделенными. Среди толкователей нужно особенно указать Сайса и Иенсена, работы которых сильно облегчили первоначальные трудности.

Проблема хеттской расы не более определена, чем проблема языка. Несомненно, не было еще примера, по мере того как наше знакомство

с прошлым делается более понятным, чистой расы, т. е. совокупности индивидов с резко-выраженными физическими особенностями. По мере того как мы погружаемся в прошлое азиатского запада, мы констатируем, что смешение семитов и несемитов обычно для незапамятного до-исторического времени. Можно, однако, охарактеризовать большие группы благодаря процентному отношению постоянных физических типов и совокупности противодействий, свойственных в данном случае индивидам, составляющим их.

За отсутствием полнейшей уверенности, даваемой языком, но обращаясь к политическим и религиозным понятиям, которые нам дают тексты, находящиеся в нашем распоряжении и которые мы можем прочесть благодаря науке о собственных именах, что является ценным способом исследования, мы знаем, что хетты не были семитами, и их преобладание, на протяжении веков, является крупнейшим фактом в истории передней Азии.

На протяжении трех тысячелетий мы присутствуем при различных фазах борьбы, которую ведут семиты и несемиты. Семитическое распространение идет возрастая за счет соседних

Печать „Таркондема“.

народностей—сумерийцев в Халдее и Эламе и митанийцев на севере.

Ограниченные морем с юга и с запада, горами Персии и Армении с востока и севера—семиты мало-по-малу достигают преграды, образуемой Тавром, переходят ее, и за 23 столетия до нашей эры мы их находим утвердившимися в Каппадокии, у подошвы Аргел, около современной Кейсарии.

Клинописные документы, которые мы находим в этой области, доказывают нам, что там процветала семитическая колония. Хетты, явившись могущественным противником, преградили им дорогу в Европу, оттеснили их обратно в Месопотамию одновременно с ударом, который кладет конец вавилонской династии, и контр-ударом направляют их на Египет, где сирийско-семитический элемент начинает играть большую роль со времени нашествия гиксосов около 1800 г. до нашей эры.

Таким образом мы видим семитический блок, составленный Месопотамией и Сирией, окруженной несемитическими народами: эламитами — на востоке, обитателями Вана и митаннийцами на севере, хеттами на западе. Только с мусульманского нашествия семиты осуществили то распространение, которое пытались сделать на заре истории.

Но эти соображения недостаточны для того, чтобы открыть нам тайну истинного происхождения хеттов. Для одних, после того как была откинута гипотеза о сирийцах, распространившихся в М. Азии, это были древние пелазги, переправившиеся через Геллеспонт; для других, наконец, это были просто армяне.

Вопрос не будет разрешен так просто. Что четко вырисовывается по состоянию нашего изучения, это невероятная смесь элементов, составлявших хеттское царство: индо-европейские элементы, проихожащие из армянской области; вероятно, кавказские и азиатические элементы, возможное углубление европейских элементов, — вот что выясняется при изучении языка, религии и изобразительных памятников.

Очевидным кажется, что семитический элемент в этом смешении занимает очень второстепенную роль и что обнаружение хеттского искусства указывает на родство известных элементов, населивших Анатолию, с теми, которые создали первичную цивилизацию Элама, древней Халдеи и Митании. И так как, с другой стороны, мы видели тесную связь между хеттами и эгейским искусством, мы можем представить их себе как одно из ответвлений общей цивилизации, которая протянулась на заре истории от Персии до Средиземного моря: цивилизации, для которой название Месопотамии уже не достаточно, но которую нужно будет называть западно-азиатской и которая, очевидно, разворачивается в целую серию стран, где не господствовал семитский элемент.

Роль хеттов в цивилизации соответствует их политическому могуществу. То, чего достигали финикийцы благодаря морским путям, они осуществляли караванным.

В то время как они связывали через М. Азию — Азию с Европой, их влияние процветало у их ближайших соседей, и известно, чем обязаны Иония и нарождающаяся Греция лидийцам и

фригийцам, непосредственным преемникам великой Хеттской империи.

Процветание морской финикийской торговли датируется началом первого тысячелетия до нашей эры; ранее гегемония на море принадлежала главным образом эгейцам, но не надо забывать значения сухопутной караванной торговли: Восток сообщался с Западом через посредничество М. Азии, и основы своей цивилизации Иония получила скорее сухопутным путем через Малую Азию, чем морскими.

Роль, которую играли хетты, как проводники культурного влияния, подтверждается нам направлением древних путей сообщения. Когда Страбон (XIV, 2, 29) описывает дорогу, пересекающую М. Азию, он сообщает что она перерезала юг полуострова от Ефеса к Тарсу через Тиану и Киликийские Ворота. Вратами севера был Амис на Черном море; город Комана был пунктом пересечения, где эти различные дороги соединялись; этот путь соответствовал нуждам эпохи, когда северная часть М. Азии не имела более никакого политического значения.

Наоборот, в персидскую эпоху существовала другая „Царская дорога“, описанная Геродотом (V. 52), которая проходила на севере через пустынное плато вдоль большого озера, занимающего центр М. Азии. Это была гораздо более длинная дорога, но она обслуживала когда-то пункты исключительной важности и значение которых было не только простым воспоминанием в V в. до нашей эры. Она проходила через Ефес, Сарды, Мазаку, Коману. Северными воротами был Синоп с Птерней, как пунктом разветвления.

Названия городов по этой дороге большею частью напоминают иную цивилизацию, нежели греко-римская, и на ее пути находятся центры, имевшие первостепенное значение: Сарды — столица Лидии, Богаз-Кёй — столица хеттской конфедерации, Мазака (позже Кесария Каппадокийская), процветавшая уже в XXIV в. до нашей эры.

Хеттское могущество из неизвестного, каким оно было, нам представляется отныне существенным фактором политической истории и развития цивилизации в Передней Азии; благодаря этим открытиям мы можем восстановить звено цепи, которая нас связывает с прошлым.

Перевела с французского

Н. Хлебникова.

Проф. А. А. ЗАХАРОВ.

ХЕТТСКАЯ КУЛЬТУРА

1. ОЧЕРК ИЗУЧЕНИЯ ХЕТТОВ

В начале XIX в. история малоазийского полуострова и северной части Сирии была совсем неизвестна. Древнейшими известиями о ней служили сообщения греческих авторов и некоторые указания, встречающиеся в Библии. Только путешественники 30-х и 40-х г.г. прошлого века обратили внимание ученого мира на те своеобразные памятники с загадочными иероглифическими надписями, которые встречаются в большом количестве внутри и по берегам малоазийского плоскогорья, а дешифрирование египетских иероглифов и ассиро-вавилонской клинописи дало нам представление о некогда существовавшем в этой местности могущественном царстве хеттов, являвшихся соперниками как египетских фараонов, так и ассирийских царей. Это вызвало интерес к вышеупомянутым памятникам и побудило европейских ученых заняться их более внимательным изучением. Первым издавшим, правда, во многих отношениях несовершенно, преимущественно архи-

тектурные и скульптурные остатки этого до сих пор еще не вполне разгаданного народа был французский ученый путешественник Тексье (Texier, *Description de l'Asie Mineure*, 1839). Более точно, хотя в виде простых карандашных набросков, они были изданы англичанином Гамильтоном (Hamilton, *Researches in Asia Minor*, 1842). Не упоминая работ других исследователей, необходимо отметить отправленную в северную часть Малой Азии археологическую экспедицию, во главе которой стоял известный археолог Перро; опубликованные результаты ее были первым научным изданием древних памятников этой области (G. Perrot, *Exploration archéologique de la Galatie et de la Bithynie, d'une part de la Mysie, de la Phrygie, de Cappadoce et du Pont*, 1872). Приблизительно в это же время привлекли внимание исследователей загадочные иероглифические надписи из Хамата, на которые впервые мельком указал еще в 1722 г. французский путешественник Ла Рок¹⁾, а также подобные же надписи и изображения в Джерабисе, отождествленном с упоминаемым в письменных памятниках хеттским городом Кархемышем. Сайс первый признал в последних памятниках остатки культуры того же самого народа, которому принадлежат и памятники севера Малой Азии и который, судя по обширному пространству, на протяжении которого они встречаются, занимал страну от берегов Черного моря до южной Сирии и от верховьев Евфрата до Эгейского моря. В 1884 г. английский миссионер в Дамаске Райт (Wright,

¹⁾ Рассказ об открытии хаматских надписей дан W. H. Rylands *Transaction of the Soc. of Biblical Arch.* VII (1882), стр. 429.

The Empire of the Hittites), подвел, насколько возможно, итог известным до тех пор хеттским памятникам, а на французском языке сделал то же Перро в четвертом томе своей „Истории искусства в древности“. Дальнейшие исследования в области хеттской археологии до последнего времени принадлежали немцам: в 1882 и сл. годах в Каппадокии и северной Сирии, области Амана и Тавра производят исследования Гуманн и Пухштейн (Humann und Puchstein, Reisen in Kleinasien und Nordsyrien, 1890). А в 1888, 1890, 1891, 1894 и 1902 г.г. производятся обширные раскопки в Зенджирли под руководством Ф. Лупана (Ausgrabungen in Sendschirli. Bd. I. Einleitung und Inschriften, 1893; Bd. II. Ausgrabungsbericht und Architektur von R. Koldewey, 1898; Bd. III. Trosskulpturen, 1902; Bd. IV. Bauwerke. Von v. Luschan und G. Jacoby; Bildwerke und Inschriften von v. Luschan — Mitteilungen aus den orientalischen Sammlungen der Berliner Museen. Heft XI — XIV).

Нашлись однако и противники того, чтобы относить все эти памятники к хеттам. Густав Пухштейн (Die Felsenreliefs in Kleinasien und das Volk der Hittiter. Abh. Berl. Ak. 1886) утверждал, что памятники Каппадокии и западной Малой Азии принадлежат иностранным завоевателям и старался доказать, что их письменность возникла в Малой Азии. О. Пухштейн (Pseudohittitische Kunst, 1890) хотел на основании памятников из северной Сирии и Малой Азии, принадлежащих ассирийскому времени, отнести все остатки этой культуры к I тысячелетию до Р. Х. Взгляд его исходил из ошибочного предположения, что именно северная Сирия с городом Кадешом

на Оронте была родина хеттов, тогда как в действительности она была лишь завоевана ими, и собственные имена хеттских городов в египетских памятниках по своим суффиксам напоминают каппадокийские географические названия.

Открытие в Тель-эл-Амарне архива из глиняных клинописных табличек, содержащих переписку египетских фараонов с государями Передней Азии, неоспоримо доказало, что первоначальным местом жительства хеттов была не Сирия, которую они заняли только в начале XIV столетия, а области, лежащие гораздо севернее. В. Макс Мюллер в своей замечательной работе „Asien und Europa nach altägyptischen Denkmälern“, 1893, признал главным городом хеттов Богаз-Кей, что потом блестяще подтвердилось раскопками Г. Винклера и Макриди-бея в 1906, 1907, 1911 и 1912 г.г., результаты которых только теперь начинают выходить в свет. Помимо архитектурных остатков, керамики и мелких предметов был найден „государственный архив хеттских царей“, как назвал его исследователь, состоящий из массы глиняных табличек с клинописным текстом, который в настоящее время служит предметом всеобщего внимания, ибо написан на восьми (или по другому подсчету пяти) языках, среди которых, к общему изумлению, ряд табличек написан на индо-европейском языке, родственном западной его ветви, т. наз. Kentum-Sprache¹⁾. Уже упомянутый

¹⁾ См. мою статью в журнале „Новый Восток“ № 1; В. П. Бузескула в журнале „Наука на Украине“ 1922, № 2; В. Ф. Смолина в „Изв. Осн. Арх. Ист. и Этногр. при Казанском Универс.“ т. XXXII; И. Н. Бороздина в журнале „Новый Восток“ № 4.

Макриди-бей произвел раскопки в Эйюке (Mitt. der Vorderasiat. Ges. 1908. La porte des sphinx à Euyuk); английский исследователь Гарстанг в Сакче-Гёзи (Annals of Archeol. and Anthropol. Liverpool, I, IV), а Хогарт на средства Британского музея в Джерабисе, древнем Кархемыше (Carchemish, Part I. Introductory by D. G. Hogarth, Part II. The Town Defences by C. L. Wooley, London, British Museum, 1914, 1921). Таковы важнейшие раскопки, познакомившие нас с местностями древнего хеттского царства.

Надписи хеттскими иероглифами были собраны Мессершмидтом (Corpus inscriptionum Hettiticarum. Mitt. d. Vorderas. Ges. 1900 и два Nachträge 1904 и 1906); добавления к нему изданы в трудах американской экспедиции в Малую Азию (Travels and Studies in the Near East by Olmstead, Charles and Wrench. Vol I pt. 2: Hittite Inscriptions, 1911. Cornell. Expedition to Asia Minor). Общие обзоры, не считая старых работ Райта (Wright, Empire of the Hittites, 1884, 1886), Сайса (The Hittites, 1903, рус. перевод. М. 1902; есть франц. перев. Menant 1891) и Перро (в Revue des Deux Mondes 1886, 15 juillet и в Histoire de l'Art dans l'Antiquité, t. IV), написаны Мессершмидтом (Die Hittiter. Der alte Orient. Lpz. 1903, англ. пер. The Hittites. Ancient East, Series VI, 1903), Эд. Мейером. (Reich und Kultur der Hittiter. Berlin 1914); Гарстангом, (The Land of the Hittites, London 1910) и Cowley (The Hittites, London 1920). У Гарстанга приведена и библиография по отдельным вопросам до 1910 г. Подробную библиографию см. G. Contenau. Essai de bibliographie hittite. Paris 1922.

2. ПАМЯТНИКИ ХЕТТОВ

Пока не прочитаны хеттские письма, границы страны хеттов приходится определять или по указаниям в египетских и ассирийско-вавилонских памятниках, или же по географическому распределению найденных памятников хеттского искусства, при чем в последнем случае приходится руководиться, конечно, только монументальными памятниками, ибо все мелкие предметы, как-то печати, бронзовые, серебряные или костяные изделия и т. п., интересные с точки зрения хеттского искусства, ничего не дают для нашей цели, будучи по своим малым размерам легко переносимы с места на место.

Восточной границей распространения хеттских памятников можно считать р. Евфрат; на юге они встречаются приблизительно до 36 параллели. К западу памятники следуют по горному хребту Тавра вплоть до Кара Дага, при чем ни один хеттский город не был пока обнаружен на южном склоне горного хребта. Северной границей, возможно, служил южный берег Черного моря от Кавказа до Трапезунда, а затем граница, повидимому, идет от р. Галиса на р. Сангарий и далее к устью р. Герма; западную границу образует берег Эгейского моря. Исследователи считают возможным разделить все памятники на пять географических групп по их местоположению.

Первая группа, считая с юга, будут памятники северной Сирии, в которой можно наметить три различных области. Самую южную образует долина Оронта, к ней можно причислить и Алеппо (Халеб), хотя позднее, как видно из летописей

Тутмоса III, он был центром независимого государства. Хамат, Алеппо, Рестан, Хомс и Кадеш — главные пункты ее. Вторая область — памятники на р. Евфрате; Кархемыш (Джерабис), Келлеклы, Тель-Ахмар, Симсат, Джерджер Келеси — вот главные места находок в этой области. Третья область охватывает памятники северной Сирии, лежащие главным образом в долине Кара-Су. Зенд-жирли и Сакче-Гёзи доставили здесь наибольшее количество архитектурных остатков, Кара-буршлу — рельефы с надписями, а Килиз — разные мелкие вещи.

Вторую основную группу составляют памятники, обнаруженные в горных областях Тавра и Антитавра. Здесь мы находим остатки четырех городов в долине Тохма-Су, а двух других в верховьях Пирама, а именно: Малатиа, Мараш, важный стратегический пункт на митаннийской, а позднее на ассирийской границе; Дерендех, Паланга и Кирчик Япалак. Вторую область этой же группы образуют пять местностей на Антитавре; самое восточное Куру-Бел в проходе вблизи древней Команы; три других находятся по течению Заманти-Су (Экрек, Ташджи и Фрактин), наконец на северном склоне г. Аргея лежит Ассарлык с интересными надписями.

К третьей группе исследователи относят многочисленные памятники, найденные вблизи долины р. Галиса, к северо-востоку от Кесарии; а главным образом памятники, лежащие в области, окруженной течением р. Галиса, знаменитые развалины хеттской столицы в Богаз-Кёе с соседним святилищем в Языли-Кайя и с дворцом в Эйюке.

Памятники к западу от Галиса, включая сюда и оба знаменитых скульптурных изображения возле лидийского берега, образуют четвертую группу. Мы можем привести для сравнения изображения на скалах в Гяур-Калеси и в Кара-Бел, а также так назыв. Ниобу, сидящую статую на г. Сициле. В области Фригии следует упомянуть о камне с надписью в Бей-Кейе и скульптуре с неясными иероглифами в Доганлу-Дареси. Рельеф, найденный в Ярре и изображающий праздничную церемонию, несомненно принадлежит к хеттским скульптурам. То же, правда, с меньшей уверенностью, можно сказать о камнях, найденных в окрестностях Ангоры с изображением львов. Особняком стоит область к востоку от Иконии, в которой были найдены ликаонийско-хеттские памятники в Эфлатун-Буваре и Фассилере, но так как здесь возле Колитоглу-Яйла, вблизи Илгина, был найден один, несомненно, хеттский памятник — камень с рельефными иероглифами, — то и ее можно отнести к этой же западной группе.

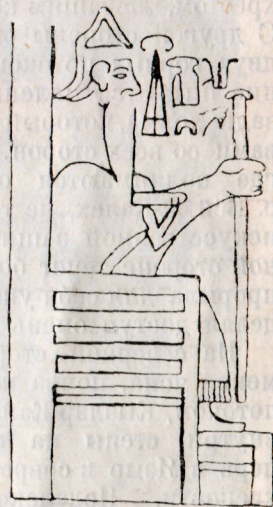
Пятая группа хеттских памятников включает девять местностей и многие из наиболее важных памятников. Она охватывает все юго-западные отроги Тавра от Кара-Дага до Булгар-Дага, также как область у их подножия, в которой в классическое время более важными центрами были Кибистра (Эреглы), Ардистама (Ариссама) и Тиана (Килиссе Хиссар). Возможно, что в жизни Аполлония Тианского у Филострата сказались кое-какие отголоски местных культов, восходивших в Тиане до эпохи хеттов. Памятники, недавно открытые на Кара-Даге, можно рассматривать как особую категорию, но в виду того, что Кара-

Даг является вершиной главного хребта Тавра, Гарстанг предпочитает классифицировать их вместе с прочими. Они открыты в двух местах: во-первых, вблизи Махалиха, на вершине Кара-Дага, где находятся две рельефные надписи и проход в скале; во-вторых, на соседнем холме, называемом Кизил-Даг, на котором находятся остатки „священной высоты“, включающей трон из скалы и сидящую высеченную фигуру с тремя надписями, тогда как на вершине находятся остатки крепости и надпись рельефом на скале. Рельеф в Ивризе, возле Эреглы, общеизвестен; это гигантская скульптура бога плодородия с местным царем жрецом в позе адорации; сцена сопровождается тремя короткими надписями. Невдалеке были найдены следы второй подобной скульптуры. В Булгар-Мадене на другой стороне низкого горного хребта на живой скале высечена надпись в пять строк. Оба эти памятника, повидимому, связаны некоторым образом с Тианой, в соседстве с которой было найдено много стен с надписями и скульптур.

Богаз-Кёй. После этого беглого обзора местностей, в которых были обнаружены монументальные памятники хеттской культуры, мы перейдем к описанию важнейших ее остатков, при чем начнем с главного центра хеттского государства, их столицы, открытой при раскопках Г. Винклера в 1906 г.

Развалины древних зданий покрывают здесь обширную вершину холма возле современной деревни Богаз-Кёй. С достаточной точностью их отождествляют с упоминаемым у Геродота (I, 76) городом Птерией, которую лидийский царь Крез отнял у сиро-каппадокийцев, обратив

жителей в рабство, в 550 г. до Р. Х. Существование на этом месте города, начиная с весьма отдаленного времени, объясняется его географическим положением. В древние времена данная местность была связана с окружающими пунктами целой сетью дорог. „Царская дорога“, пересекавшая Фригию и принадлежавшая персам, связанная долиной р. Герма с Сардами и западной частью Малой Азии, продолжалась к Галису, пересекала его и шла далее в Сузы. К югу подобная же „царская дорога“ была проведена, огибая горное плато к северу от Ины-Су (возле Кесарии) и ведя далее к броду на Галисе, недалеко от Богче. Персидская почта с востока на запад следовала указанной северной дороге, хотя прямой путь из Кархемыша в Эфес или Смирну, шел ли он через Киликийские ворота или через один из проходов, ведущих к Кесарии, вовсе не приближался к р. Галис, а тем более не пересекал ее. Возможно, что древнейшее продолжение дороги проходило восточнее через долину Точма-Су, тогда как северное ответвление может быть объяснено важностью Синопа, как древнего порта.

Изображение хеттского царя на г. Кара-Даге.

Эти соображения только увеличивают важность Богаз-Кёя, как центра системы этих дорог.

Местность, выбранная для города, была одной из значительных природных крепостей. Его стены окружали широкую вершину холма, связанного с хребтом, лежащим к югу, только высоким гребнем. С другой стороны он обрезан крутыми долинами двух горных потоков, текущих на север. Последние питаются маленькими притоками, как раз позади холма, который таким образом окружен обрывами со всех сторон. Восточная сторона крепости, где поднимаются обрывистые утесы, прорытые р. Бэйюк-Калех, не требует, или почти не требует, искусственной защиты. Р. Языр-Дареси на западной стороне течет более через намывную почву и прорыла для себя ущелье, в котором торчат скалы, делая доступ очень трудным.

На северной стороне, где линия укреплений менее ясна, почва перерезана третьим маленьким потоком, Кызлар-Кайя-Дареси, который начинается внутри стены на плато акрополя и впадает теперь в Языр в современной деревне у подножия крепости. Недалеко от впадения есть следы древнего вала, но так как линия естественных укреплений идет местами выше, то можно подозревать, что ограда некогда была удлинена в этом направлении, возможно с целью включения нижнего дворца. Самый доступный пункт был на южной стороне, и здесь искусственные укрепления достигают наибольших размеров. Стены с этой стороны были построены на обложенном камнем валу, который следовал за линиями живой скалы, давая внешность огромной массы защитных укреплений. Эта насыпь была так высока, что через нее был

Львиные ворота Богаз-Кёя, вид снаружи.

построен тайник, дававший доступ внутрь крепости.

Почва внутри стен акрополя — плоская вершина холма, вокруг которой стена образует приблизительно три стороны шестиугольника, не считая северный участок, где она спускается, как мы увидим ниже. Длина стены акрополя приблизительно два с половиной километра, а наибольший поперечник с востока на запад около 1,2 километра. Вся окружность укреплений, включая нижний участок, приблизительно пять с половиной километров, в то время как наибольшая длина с севера на юг около 1 километра, при чем приблизительно половина лежит наверху.

Городская стена, хотя построенная без извести, была сложена так прочно, что до сих пор идет непрерывно вокруг акрополя и сохранилась во многих местах на высоте трех с половиной метров. Средняя ее толщина приблизительно также три с половиной метра; она состоит из внутренней и внешней облицовок, около 1 метра каждая, с заполненным камнем пространством между ними. Внешняя облицовка особенно прочна, состоя из широких камней до 1,5 метра длиной, тщательно пригнанных друг к другу и имеющих преимущественно прямоугольный или пятисторонний вид. Насколько возможно, камни положены горизонтальными рядами. Стена, кроме того, была укреплена контрфорсами, помещенными на различном расстоянии друг от друга.

Некоторые из дверных проходов, ведущих через стену, были чрезвычайно малы, не более 1 метра в ширину. Подземный ход под южным валом также очень узок, но он, возможно, был

1. Изображение божества на внутренней стороне ворот
Богаз-Кёя.

2. Металлический пояс из Калакента (Кавказ).

позднейшей прибавкой. Его отверстие, 1,2 метра шириной, построено из трех гранитных блоков, поставленных как два косяка и притолка. Внутри проход имеет ширину внизу ок. 1,5 метра и обложен камнями в виде треугольника, с вершиной на расстоянии 1,6 метра от пола.

Львиные ворота Богаз-Кея с их реалистично исполненными животными, охраняющими город, дают ясное представление о мощи и творческом гении создавшего их народа. Подобные же ворота мы имеем в других хеттских городах, в Зенджирли, Мараше и Сакче-Гези. В других воротах Г. Винклером был откопан рельеф, изображающий человека в хеттском костюме, тунике, сапогах и шалке, которого немецкий ученый считает изображением царя, тогда как другие видят в нем женщину-воина, или амазонку. Если последнее предположение верно, то, может быть, действительно правы те исследователи, которые думают видеть в греческих сказаниях об амазонках смутную традицию о хеттском царстве, ибо вообще женщины занимали у хеттов привилегированное положение.

Не вдаваясь в детали постройки внешней стены, нельзя не отметить, что внутри ее мы имеем следы, повидимому, более древнего укрепления. Естественные пределы более древнего города ограничивались холмом. Они были увенчаны прямоугольными укреплениями, построенными из квадратной кладки, положенной рядами, и представляли сильную вторую оборонительную линию против нападений.

На севере, где холм спускается к равнине, лежат развалины нижнего дворца, остатки стены

которого сохранились так, что возможно набросать его план (см. Texier. Description de l'Asie Mineure, I, Pl. LXXX. Perrot et Chipiez. IV. 108 сл.; Лучший план у Barth. Reise von Trapezund nach Scutari, p. 48). Его стены были сложены из больших камней, около 1 метра в толщину и приблизительно 2 метра в длину. Главный вход был с южной стороны; пройдя мимо двух караулен с обеих сторон, входим в обширный центральный двор, окруженный комнатами. К северу и западу проход, или коридор, идет между двором и комнатами, так что с севера был доступ через вход, противоположный главному, а одна комната слева от прохода была ванной комнатой. Эту часть постройки можно считать жилыми комнатами, тогда как комнаты по фасаду и западное крыло были парадными комнатами. Помимо плана, очень мало можно сказать об этом здании: центральный двор его был вымощен булыжниками на глубине около 70 см. под современным уровнем почвы. Северный понижающийся склон холма был специально приспособлен для постройки этого здания путем облицовки его каменной кладкой, которая должна была препятствовать оползням. Трудно сказать, из чего состояла самая стена здания—из камня ли или, как в большинстве древних сооружений, из кирпича. Повидимому, если не везде, то в некоторых пунктах она была сложена из камня.

Раскопки Г. Винклера доказали, что описанный дворец был расположен на развалинах более древнего здания такого же типа, среди остатков которого были найдены многочисленные глиняные таблички с клинописными надписями, давшие

многие неожиданные указания относительно этнографии хеттского царства (см. ниже), а также точную датировку этого предшествующего здания эпохой XVIII—XIX египетских династий. Самый город, как укрепленный центр, возник, вероятно, уже на закате хеттского могущества, когда ассирийские армии стояли на востоке, а с севера угрожали орды диких варваров, т. е. около XII ст. до Р. Х. Дату восстановления дворца можно также установить лишь предположительно около начала первого тысячелетия до Р. Х.

Дальнейшие раскопки, вероятно, дадут много дополнительных указаний о здании, пока же надо отметить отсутствие видимых на фасаде скульптур, столь характерных для других дворцов в Эйюке, Зенджирли и Сакче-Гёзи. Скульптуры львов, относительно которых Тексье и Перро предположили, что они были ручками трона, были в действительности, как можно считать доказанным Винклером, конечными украшениями водоема, соответствующими по стилю и деталям львам, охраняющим дворцовый вход в Сакче-Гёзи, которых с некоторой ошибкой можно отнести к X—IX ст. до Р. Х. Но трудно сказать, был ли самый водоем первоначальной частью дворца, или же он был прибавлен впоследствии.

Для приблизительной хронологической ориентировки Дж. Гарстанг составил такую хронологическую таблицу:

1350—1300 до Р. Х.—Период древнего нижнего дворца.

1300—1200 до Р. Х.—Постройка главных укреплений при Хаттушиле.

1200—1100 до Р. Х.—Первое фригийское завоевание (мусков).

1100—1000 до Р. Х.—Реконструкция нижнего дворца.

1000—850 до Р. Х.—Период скульптур, изображающих львов.

850—700 до Р. Х.—Фригийское владычество.

700—600 до Р. Х.—Киммерийцы.

ок. 550 до Р. Х.—Взятие города Крезом.

Пока не опубликованы полностью находки, сделанные в Богаз-Кёе, можно лишь отметить интересную бронзовую голову от статуи божества, глаза которой были сделаны из какого-то другого материала, всего скорее камней или пасты. Найдено было также довольно много мелких бронзовых изделий, ныне находящихся в Константинопольском и Берлинском музеях.

Языли-Кайя. В расстоянии приблизительно трех километров к востоку от Богаз-Кёя находятся знаменитые скульптурные изображения, названные турками просто „скалами с изображениями“. Местоположение их таково: пересекая реку против нижнего дворца, дорога постепенно поднимается на горное плато около 1,5 километра высоты, соединяясь с дорогой, окаймляющей основание холма с северной стороны и приблизительно на расстоянии 1½ километра поворачивающей к югу по направлению к Юзгату. К северо-западу от этой дороги разветвляется много долин, частью занятых полями, частью покрытых пастбищами или кустарниками и тут и там перерезанных известковыми скалами—типичный вид малоазиатского плоскогорья. На одной из этих групп скал и была изваяна серия изображений,

при чем выбор скал, вероятно, обуславливался их расположением. На западе здесь находится углубление около 25 метров, открывающееся к юго-западу на широкую покрытую травой террасу. Вход в эту горную комнату имеет до 13 метров ширины. В глубине были помещены центральные фигуры всего длинного ряда изображений, а по бокам второстепенные, при чем большинство их было предусмотрительно защищено от дождя путем устройства над ними ниш, и, вероятно, они были, кроме того, покрыты штукатуркой. Общий сюжет сводится к изображению двух процессий, идущих одна справа, другая слева и встречающихся на задней стене прямо против входа. Справа изображены, за двумя исключениями, женские фигуры, слева мужские, посреди них, помимо двух женских фигур, рассеяны крылатые мифологические существа и группа из двух чудовищ, которые трудно объяснить. Многие из фигур сопровождаются хеттскими надписями.

Число фигур слева сорок три, но так как первая из них стоит на плечах двух других, то общее число изображений сорок пять. Во главе стоит мужская фигура в 2 метра высотой, одетая в короткую тунуку и сапоги с загибающимися вверх носками. Нельзя не отметить, что Сайс в этой характерно хеттской обуви видит одно из доказательств северного происхождения хеттов, ибо такая форма обуви облегчает ходьбу по снегу. Левая нога фигуры выдвинута вперед, равно как вперед протянута и левая рука; правая рука отодвинута несколько назад, и в ней он держит на плече, повидимому, скипетр. Лицо изображено

Центральная группа рельефа Языли Кайя.

в профиль налево. Таким образом мы имеем здесь такое же условное изображение человеческой фигуры с грудью в фас, а лицом и ногами в профиль, какое нам хорошо известно по египетским рисункам. С левой стороны на поясе висит кинжал с ручкой в виде полумесяца. На голове надет конический головной убор хеттов, слегка отличающийся от обычных изображений тем, что вертикальные его ребра соединены кольцами в доказательство того, что он сделан из металла. Волосы за спиной заплетены в длинную косу, лицо бородастое, и, кажется, возле уха можно видеть след серьги. Вытянутая левая рука держит трехзубчатую эмблему по направлению к встречной фигуре. Позади каждой из обеих центральных фигур находится небольшое рогатое животное, вероятно козел, на голове которого надета коническая шапка. Два лица, поддерживающие сейчас описанную фигуру, носят длинные платья, опоясаны на груди поясом, и нижний край их одежды обшит бахромой. Их соединенные руки подняты к их бородам, и головы склонены, как бы в знак почтения. Шляпы их подобны шляпе божества, но сделаны из мягкого материала, может быть войлока, и верх их наклонен вперед сообразно движению их голов.

Вторая фигура, несколько меньшая по размерам, стоит на двух башнях с плоскими верхушками, или горах. По позе, костюму и вооружению она походит на предыдущую, с тем различием, что в левой руке она держит длинный меч с прямой рукояткой, а эмблемы, обозначающие его сан, помещены между мечом и шапкой; пояс также гладкий; левый локоть, повидимому, опи-

рается на посох. Третья фигура, подобная предшествующим, стоит также на двух башнях, или горах, но эмблема в левой руке совершенно иная, что-то в роде опахала из перьев.

На левой стене, перпендикулярной к сейчас описанной сцене, четвертая фигура опять похожа на руководителя процессии, хотя почти вдвое меньших размеров (ок. 1 м.); но пятая совершенно отлична. Обувь, коса и серьги те же, что и у предыдущих изображений, равно как и шапка, но длинная рубашка или плащ имеет любопытно изогнутые складки и тянется позади правой ноги. Самой бросающейся в глаза особенностью является пара узких крыльев, поднимающихся с плеч к верхушке головы. Предметов в руках различить нельзя.

За ним следуют две женские фигуры, одетые в длинные складчатые юбки, подобно фигурам в процессии на противоположной стороне. Талию каждой охватывает пояс, но не ясно, обнажена ли верхняя часть тела или прикрыта прозрачной тканью: груди во всяком случае различимы, головной убор несколько иной, колпак плотно облегает голову, в то время как волосы или парик оканчиваются широкими отдельными локонами на плечах. Левые руки не видны¹⁾, а правые, опущенные вдоль тела, держат за ручку какой-то неясно различимый круглый предмет в виде диска, может быть что-либо в роде зеркала. Восьмая фигура подобна пятой с крыльями, и на ее макушке можно заметить или рога, или полуме-

¹⁾ Так Garstang, стр. 216; на рисунке у Ed. Meyer'a, стр. 87, левые руки подняты вверх к лицу.

сяц, но другие детали неясны. Девятая яснее и более интересна. Ее одежда подобна той, плотно облегающей правую руку, а другой конец перекинут через левое плечо, как на некоторых фигурах Эйюка. Сбоку висит кинжал, но в правой руке является новый предмет, а именно длинный изогнутый литуус, опрокинутый вниз. Возле простертой левой руки находится группа из трех иероглифических значков, полумесяца, звезды (?) и разделенного пополам овала, сопровождающего все подобные надписи. Лицо без бороды, и шапка плотно надета на голову. Около головы изображена сложная эмблема, в которой главной частью является розетка, окруженная подковообразным предметом, напоминающим парик сфинкса из Эйюка или так наз. готоровский головной убор на египетских памятниках. Все поддерживается широко распростертыми крыльями, стянутыми посередине и слегка обращенными вверх на концах. Вся фигура похожа на отдельно стоящую двадцать вторую фигуру на правой стороне.

Шесть сейчас описанных фигур заполняют левую стену внутренней части ущелья. Теперь скала делает поворот, и далее идут девять новых фигур несколько меньших размеров. Пять из них похожи друг на друга (именно 10, 11, 13, 16, 18); их костюм — коротко подпоясанная туника, коническая ребристая шапка с кольцами и обувь с загнутыми вверх носками. Каждый держит на правом плече предмет в роде серпа или изогнутой сабли. Перед каждой фигурой группа из эмблем или знаков, разных в каждом отдельном случае. Две другие фигуры отличаются от девятой лишь

следующими особенностями: одна (№ 17) помимо туники одета в плащ, покрывающий отчасти ее правую ногу, а другая (№ 12) имеет как бы крыло, поднимающееся над ее левым плечом, шапку и не имеет предмета над правым плечом. Но все эти различия могут быть объяснены выветриванием камня.

Оставшиеся две фигуры (№ 14, 15) совершенно отличны: это демоны с человеческими туловищами и руками, ногами четвероногого животного и звериными головами с ушами кошки; у правой виден хвост, и обе имеют косы. На левой надета короткая юбка. Руки подняты вверх и украшены браслетами. Они поддерживают предмет в виде полумесяца, с нижней стороны которого находятся два возвышения. Обе фигуры симметрично расположены на предмете (винном прессе, по мнению Гарстанга) продолговатой формы с двумя ручками с каждой стороны. По мнению Эд. Мейера, головы чудовищ бычьи, но другие части тела человеческие.

Вслед за перерывом скалы идут дальнейшие изображения (№ 19—43). Фигуры, идущие во главе, (№ 19—20), по общему виду похожи на предшествующие им, хотя предмет, который они несут на плече, скорее походит на палицу в руках божества, идущего во главе всей процессии. То же можно сказать о двух других (№ 22, 25), хотя камень здесь сохранился плохо; но промежуточные изображения (№ 23, 24) не имеют ничего в руках, и костюмы их несколько иные. Один, повидимому, имеет длинный плащ, или, может быть, посох, висающий на руке; тогда как платье другого горизонтально завернуто над левой ногой. Отлична от описанных фигура № 21. Ее руки закинута вперед; с плеч

спускается плащ или длинный жезл, в то время как шапка также слегка наклонена вперед. Две последних фигуры этой серии похожи на фигуры, поддерживающие бога, идущего во главе процессии. Далее в небольшом уступе скалы изображены три фигуры, которые, по Гарстангу, слишком плохо сохранились, чтобы их описывать, хотя предшествующие ему исследователи изображали две из них с бородами и одетыми в вышитые платья. Следующий и последний поворот скалы занимают тринадцать фигур, первая из которых (№ 31) напоминает предшествующих, а последующие (32—43) все одинаковы: все одеты в тунники, конические шапки и сапоги, не имеют оружия, и положение их рук и ног указывает на то, что они изображают бегущих людей. То обстоятельство, что локоть одного заходит за туловище другого, заставляет думать, что они изображены не идущими друг за другом в процессии, как их предшественники, а стоят все в ряд сообразно принципу условной перспективы, которую мы встречаем в Египте.

Переходим к правой стороне всех изображений. Здесь всего изображены двадцать две фигуры; из них всего две мужских; идут они в сторону, противоположную первым, т. е. налево. Во главе, стоя на спине пантеры, которая идет по четырем пьедесталам в виде пирамид с плоскими вершинами (горам?), шествует величественного вида богиня, одетая в длинную складчатую юбку с шлейфом и корсаж; верхняя часть ее тела или покрыта очень прозрачной тканью, через которую просвечивает грудь, или же обнажена, как в микенских корсажах. На голове у нее градская

корона (corona turrita), высокий с плоской верхушкой колпак с вертикальными подпорками. Волосы ее спущены на спину; на ногах башмаки с загнутыми вверх носками. Обе руки протянуты вперед. В левой она держит длинный посох, а в правой несет священную эмблему, состоящую из ряда хеттских письменных знаков на ручке и, возможно, представляющую идеограмму ее имени. Эта эмблема соприкасается симметрично с аналогичной эмблемой в руках стоящего перед ней мужского божества. В дополнение симметрии из-за женской фигуры видна передняя часть козла, на голове которого также надета коническая шапка.

Следующая за ней фигура, меньшая по размерам, представляет юношу или безбородого мужчину с завитой косой, в знакомом уже нам costume: короткой тунике, обуви с загнутыми вверх носками и конической рубчатой шапке. Он также стоит на спине пантеры, которая отличается от своей предшественницы лишь вогнутой формой спины. Его протянутая вперед правая рука опирается на жезл, а в левой он держит двухлезвийную секиру, изображение которой часто встречается на хеттских памятниках. На поясе висит короткий кинжал. Символ, обозначающий его имя, изображен перед ним и, подобно всем другим символам божеств, начинается разделенным надвое овалом, в котором проф. Сайс думает видеть изображение священного камня.

Далее, стоя на двуглавом с распростертыми крыльями орле, следуют две женские фигуры, одетые совершенно подобно богине, стоящей во

главе процессии, но держащие в руках иные символы. Все последующие фигуры походят на них с тою разницей, что стоят на земле, их левые руки подняты к лицу, а посохи в правых имеют загнутый верхний конец. Серьги у них, повидимому, были изображены.

Совершенно отлична и весьма интересна двадцать вторая фигура. Она большого размера, изображает мужчину, одетого в тогу, нечто в роде скуфейки и обуви с обрубленными носками. Правая его рука в рукаве, широкий конец платья свешивается на правое плечо, спускаясь почти до земли и кончаясь, может быть, кисточкой; с правой стороны висит кинжал, а в левой руке он держит *lituus*, обращенный концом вверх. Шапка имеет три полосы вокруг верхушки. Ноги стоят на двух круглых пьедесталах с лестницеподобной поверхностью, а вытянутая правая рука держит серию эмблем, которая в своей совокупности образует нечто в роде маленького храма (*valis*). Эта фигура, по мнению Гарстанга, относится к группам в прилегающей галерее, к которой мы перейдем. На противоположной стороне того же самого выступа скалы изображена группа из двух женских фигур, сидящих за столом в характерной позе лиц, участвующих в церемониальных пиршествах на рельефах из Мараша, Зенджирли и др. В некотором расстоянии от этой группы изображены две крылатых чудовищных фигуры по бокам прохода, ведущего внутрь святилища. Тела и конечности их человеческие, головы львиные, и возле приделаны два крыла, из которых правое слегка приподнято, а левое опущено вниз. Руки подняты вверх с каждой стороны головы, и пальцы вытя-

нуты подобно когтям. Короткая туника украшена внизу широкой бахромой.

Вход, охраняемый этими существами, теперь завален обрушившимися камнями, и доступ в маленькую долину возможен в настоящее время только с противоположной стороны, где раньше не было прохода. В этой узкой долине, на западной стороне, высечены двенадцать мужских фигур, подобных аналогичной группе в главной комнате (№ 32—43 с левой стороны). На противоположной стене находятся две интересных скульптуры. Одна очень высокая (до 3 метр.); ее верхняя часть представляет мужское тело с лицом, обращенным направо, и с конической шапкой на голове. Фигура одета в львиные шкуры, две из которых свешиваются с ее плеч вниз мордами и скрывают руки; другая пара свешивается ниже с груди, так что головы львов достигают до колен. Ноги ниже колен заменены изображением кинжала. Наконец, последнее изображение всей серии представляет группу из двух лиц. Один, большого роста и величественного вида, подобен юноше, стоящему на пантере вторым в правой процессии; левой рукою он обнимает меньшую фигуру, по одежде похожую на девятую слева в главной процессии; она одета в тогу и держит обернутый вниз *lituus*. Обе фигуры сопровождаются, как обычно, надписями.

Таковы изображения в святилище хеттов возле их столицы. Что касается до их значения, то по этому поводу было высказано много самых противоречивых мнений. Мы не станем входить в их разбор и оценку и изложим только то, что можно

считать более или менее принятым большинством исследователей. Богиня, стоящая во главе процессии справа, несомненно великая малоазийская богиня, носившая различные имена в разных местах Передней Азии и Эгейского мира: Ма, Великая Матерь богов, Кибела, Иштар, Диндимена, Атаргатис (Деркетос), Сирийская богиня и др. В конечном этапе развития, у греков, это или Артемиды Ефесская, или Афродита. За ней, вероятно, изображен ее сын и возлюбленный, Аттис, Таммуз или Адонис. Мужское божество, идущее ей навстречу, бог-отец, тарсийский Ваал или Сандан, Зевс Лабрандевс. „сутех“, или национальное божество хеттов. Последующие за ними фигуры, можно думать, „сутехи“ других государств хеттской конфедерации. То обстоятельство, что изображения представлены стоящими на горах, служит косвенным доказательством, что народ, поклонявшийся им, спустился с гор; указание, подтверждающее выше сделанное замечание об их обуви. Сюжет всего изображения, его центральный мотив, праздник возрождения природы: божественный брак богини матери земли с богом плодородия — мотив, лежащий в основе почти всех натуралистических культов. Вероятно, представлена религиозная церемония хеттов, при которой образ их национального бога на плечах жрецов относился в святилище матери-богини, но в какое время года происходила эта церемония, не ясно. Можно было бы думать, что она бывала весной, когда возрождается вся природа, но изображение виноградного прессы и присутствие, кажется, серпов в руках некоторых фигур указывают скорее на осень.

Переходя во внутреннее святилище, мы сталкиваемся с новой загадкой. Что изображает собой сложное существо, составленное из человеческих и звериных частей, и почему представлен юный бог, обнимающий царя? Один из исследователей думает, что здесь изображен жрец-царь, ведомый божеством для жертвоприношения в честь чудовищного бога, но такое толкование не имеет никаких аналогий. Скорее можно предположить, что божество ведет нового царя-жреца на своего рода коронацию, чтобы облечь его львиной шкурой бога, как коронационной мантией. Мы знаем, что львиная шкура была характерным признаком Геракла, который был в Малой Азии сопоставлен с некоторыми местными богами или героями. Кроме того в ниже приводимом договоре царя хеттов с египтянами прямо упоминается, что на печати изображен был сутех, обнимающий царя. Поэтому вернее думать, что здесь такое же выражение покровительства божества царю, какое мы имеем на многих египетских изображениях.

Кархемыш. Другим центром хеттского царства был расположенный на севере Сирий город Кархемыш, совр. Джерабис, где с 1911 г. производила раскопки английская экспедиция под руководством Хогарта. Значение Кархемыша, как и значение Богаз-Кёя, помимо выгодного стратегического положения, объясняется и его положением как крупного торгового центра, через который проходили пути из Египта в Малую Азию и из Месопотамии к берегам Средиземного моря. Развалины Кархемыша относятся к более поздней эпохе, чем развалины Богаз-Кёя, к X—IX в.в. до Р. Х., когда хетты под-

верглись уже сильному ассирийскому влиянию, которое отразилось в их одежде и искусстве; но, с другой стороны, нельзя не отметить, что в Кархемыше мы находим целый ряд надписей хеттскими иероглифами, весьма в небольшом числе встречаемыми на севере. Подробное описание раскопок в этом пункте еще не издано, почему приходится довольствоваться лишь предварительными сообщениями, которые неизбежно носят поверхностный характер. Мы узнаем из них, что Кархемыш состоял из двух частей: крепости и укрепленного царского дворца. Обе эти части были обнесены общей толстой стеной, от которой сохранились лишь немногие остатки. Возможно, что ее камни послужили материалом для возведения позднейших построек, как часто случается на Востоке. Царский дворец был расположен у подножия холма и представляет тип постройки, называемый ассирийцами *хилани*¹⁾ и являющийся характерной особенностью архитектуры хеттов, у которых его заимствовали ассирийцы. Это постройки с прямоугольными комнатами и толстыми стенами, способными выдержать натиск врага. Вход с юго-запада ведет в прямоугольную комнату, сильно вытянутую в ширину. Стена против входа украшена плитами с барельефами, имеющими своим содержанием или охоту, или мифологические сцены. Вслед за крылатым львом изображена сцена охоты на оленя: охотник в обычном хеттском костюме, короткой тунике, с колча-

¹⁾ Н. Glück. *Megaron, Hilani und Apadana*. Wien. 1922. М. А. Харузин. В столице хеттских царей („Экскурс. Вестн.“ 1915. I).

ном у пояса, натягивает лук, целясь понасть во вставшее на задние ноги разъяренное животное. Далее изображено стоящее на задних лапах львинообразное чудовище, охватывающее передними лапами быка. Вслед за дверью, ведущей в коридор, изображено чудовище с человеческим туловищем и львиной головой, держащее животное, похожее на зайца; в другой руке оружие в виде изогнутой дубины (бумеранг?). Такого рода смешанные изображения (териоморфные) часто попадаются в хеттском искусстве, вероятно под влиянием египетского и ассирийского искусства, хотя возможно в отдельных случаях, что такое сложное изображение возникло на хеттской почве, напр., лев с двумя головами, двуглавый орел и некоторые иные.

Из первой комнаты („приемной“) по коридору мы проходим в большую залу. По стенам коридора находятся плиты с хеттскими иероглифами, а у двери изображения двух лежащих львов. Сама большая зала, вероятно, служила для торжественных дворцовых или религиозных процессий; стены ее были украшены рядом плит с барельефными изображениями придворных церемоний, напоминающих процессии, изображенные на стенах ассирийских дворцов. На юго-западной стене налево от входа — ряд воинов в конических хеттских шлемах. Направо процессия придворных или жрецов. Они в длинных одеждах, на голове невысокая шапка с расширением кверху (персидского типа), передний держит в руках небольшое животное, другой чашу, остальные — предметы в виде короткого жезла с утолщением книзу и булаву или два жезла. На стене, составляющей угол

с предыдущей, длинный ряд барельефов, изображающих или церемонию почитания бога, или прием царя. Бог или царь сидит на троне, ножки которого имеют форму львиных лап. Перед ним 12 жриц или прислужниц в позе почитания в длинных одеждах; далее 9 слуг в коротких туниках несут каждое животное, по видимому, козу или газель. Они без шапок, длинные волосы ниспадают до плеч, завитые по ассирийской моде. В комнате далее направо найден барельеф, изображающий одного человека с рогом, а трех других, по видимому, с барабаном. На противоположной стороне музыканты, играющие на разнообразных инструментах. Далее, вслед за этой небольшой комнатой, на стене большой залы идут плиты с изображением, как предполагают, царской семьи: впереди пожилой и молодой человек, царь и его наследник (?). Царь изображен выше ростом; на обоих длинные одежды, поверх которой у царя надет еще короткий кафтан; в левой руке у него скипетр. Сбоку у обоих мечи; сын опирается на длинный жезл; головных уборов нет. За этими фигурами на следующей плите представлены в два ряда восемь фигурок; в верхнем ряду четверо идут друг за другом, а внизу двое, как кажется, играют в мяч присев, а двое других стоя. На третьем рельефе — женщина с ребенком на руках ведет на привязи какое-то животное. Все изображения сопровождаются длинной иероглифической надписью. Налево от входа из коридора в описываемом большом зале открыто большое (ок. 2 метров) скульптурное изображение сидящего бога, вероятно Тешуба. Он восседает на низком кресле в длинной одежде с широкой каймой иероглифов

у подола; на ногах сандалии, руки прижаты к груди, в правой — двойной топор, в левой — булава. Лицо не сохранилось целиком, уцелела лишь его левая сторона и борода, завитая по ассирийскому образцу. Трон бога стоит на каменном пьедестале, поддерживаемом двумя львами, которые, по хеттскому обычаю, не обработаны со всех сторон, а лишь головы и передние лапы выдаются из пьедестала. Между львами барельеф, изображающий в бегущем положении фантастическое существо с львиной головой, в хеттской одежде в виде короткой туники с оканчивающимися выше локтя рукавами и узкой каймой, охватывающей край рукавов, воротник и подол. Обими руками чудовище держит львов, как бы ведя их. Стилль изображения похож на египетский: голова в профиль, туловище в фас, ноги опять в профиль. Остатки другого подобного изображения, но сильно попорченного (сохранился один пьедестал), найдены с правой стороны зала. Возле него на стене изображен ряд воинов в длинной одежде с копьями, с топорами и мечами; некоторые из них держат большие круглые щиты; шлемов нет, волосы ниспадают до плеч. На другой стороне изображены воины в коротких туниках, несущие за спиной небольшой круглый щит; в правой руке они держат копья острием вниз, в левой — мечи; на головах своеобразной формы шлемы, которые Хогарт называет „карийскими“; они конической формы с большим спускающимся назад гребнем. Из-под шлема висит характерная для хеттов заплетенная коса. На ногах сапоги. В виду такого двойственного характера изображений воинов является вопрос, не представляют ли эти два типа изобра-

жения двух различных народностей, входящих в состав хеттской федерации, но, конечно, ответить точно на него мы сейчас еще не можем.

В большой зале были открыты еще две стелы: на одной представлена царская охота: царь стоит на запряженной парой лошадей колеснице, натягивая лук; возница управляет лошадьми; под колесницей убитый зверь. Концепция изображения напоминает ассирийские рельефы, указывая на эпоху, когда среди хеттов распространилось уже влияние Ассирии, т. е. IX—VIII в.в. до Р. X. На другой стеле изображен стоящий мужчина в длинной одежде с жезлом в руках; рядом иероглифическая надпись.

Вся северо-западная и западная часть дворца не раскопана до сих пор. Из других плит, найденных в раскопанной части здания, обращают внимание следующие, найденные в коридоре, соседнем с большой описанной залой: сцена бога или героя, укрощающего зверей. Он изображен стоящим на одном колене и схватившим правой рукой за заднюю лапу льва, а левой держащим за рога быка. Подо львом находится изображение еще какого-то животного, нападающего на героя и хватающего его за правое колено. Внизу лежащее животное, а в правом верхнем углу олень. На другой стеле две фигуры, из которых одна изображает, судя по двойному топору, бога Тешуба; они держат льва, разрубая его. Вторая фигура одета в короткую хеттскую одежду, на голове у нее кеглеобразная шапка, а сзади спускается хеттская коса. Обе фигуры имеют длинные бороды, завитые на ассирийский манер; третья, сохранившаяся только отчасти, плита, дает нам картину

борьбы человека со львом, подобно сценам, встречаемым на ассирийских рельефах. Еще на одной плите мы видим изображение двух существ с человеческим телом и руками, но с головой орла и с крыльями. Нельзя не отметить также изображения фантастического чудовища, по предположению Эд. Мейера, символа бога войны Тарку. Чудовище представляет крылатого льва, у которого над шеей возвышается вторая, человеческая, голова в кеглеобразной тиаре с отогнутым спереди и сзади ободом. Из-под тиары спускается обычная хеттская коса.

М а р а ш. Мы не станем перечислять всех местностей, где были открыты хеттские памятники, но на некоторых еще необходимо остановиться, и прежде всего на лежащем на верховьях р. Пирама и пересечении ряда дорог городе Мараше. Важность этого пункта в торговом и стратегическом отношениях доказывается преемственностью поселений на нем, доходящих вплоть до средних веков. Из найденных здесь памятников на первом месте надо поставить известного льва, тело которого все покрыто хеттскими иероглифами. Он стоял, нет сомнения, с левой стороны у входа в местный дворец; передняя часть его выдавалась из стены, так как обделана со всех сторон, а самое туловище обработано лишь в рельефе. Другой подобный лев стоял с другой стороны входа. Если проф. Сайс правильно разбирает надпись, то данный памятник сооружен хеттским царем, бывшим одновременно и жрецом, что так часто встречается в Малой Азии. Он называет себя „могущественным носителем кинжала“, „жрецом Мараша“, „царственным господином этих земель, царем земель

бога“, „сидящим на троне Каса“, „создавшим высокое место для танцоров“ (очевидно для религиозных празднеств) и т. д. Среди других памятников Мараша надо упомянуть камень со скульптурным изображением церемониального пиршества, изображающего двух сидящих за столом женщин. На столе лежат три круглые хлеба и стоит чаша. Любопытно, что цилиндрические головные уборы близко напоминают современный головной убор туземных женщин. Остатки трех статуй принадлежат к редко, вообще говоря, встречающимся памятникам хеттского искусства, которое предпочитало им барельефы.

Эйюк. Если Богаз-Кёй был, вероятно, государственным центром хеттской федерации, то мы имеем и несколько провинциальных столиц, среди которых прежде всего надо отметить, лежащий к северу от Богаз-Кёя Эйюк, развалины которого известны еще со времени путешествия по Малой Азии Гамильтона, но подробно были обследованы лишь в недавнее время Ливерпульской экспедицией 1907 г. и турецким правительством. Эйюк лежит на более или менее квадратной возвышенности, вершина которой некогда была окружена стеною грубой полигональной кладки. Самые интересные из найденных в этой местности скульптур украшали низ ворот, которые по плану совершенно подобны львиным воротам Богаз-Кёя. Как в последних, вход имеет внутренние и внешние ворота, ширина их ок. 6 метров. Над воротами, повидимому, была башня, выдающаяся вперед за линию стены и фланкирующая подход к ним, как в позднейших римских или средневековых европейских укреплениях; внутри башни

были комнаты. По стилю кладки и рельефов можно думать о трех последовательных периодах в жизни города. По четырем углам дверного прохода стоят большие монолиты, образующие косяки и обделанные в виде стоящих сфин-

Сфинкс из Эйюка.

ков. Хетты взяли египетский мотив, но переделали его по своему, именно придали сфинксам женскую голову и, таким образом, создали прототип для сфинксов греческого искусства. В Эйюке женские головы сфинксов обработаны совершенно

по-египетски, покрыты платком, столь характерным для египетских царских изображений, или париком, который также ниспадал двумя локонами на плечи спереди (ср. прическу богини Хатор.) Каждый из сфинксов имеет ок. 2 метр. в вышину. Туловища их, несомненно, туловища быка; таким образом скульптуры Эйюка являются сложными образами, контаминирующими образы Египта и Ассирии. Интересно отметить, что само лицо сфинкса имеет сходство с египетской царицей Нефрет (XII дин., ок. 2000 г. до Р. Х.), тип которой отличается от других египетских изображений, и возможно, что египетские цари этого периода женились на хеттских принцессах, как мы знаем это относительно фараонов XVIII и XIX династий.

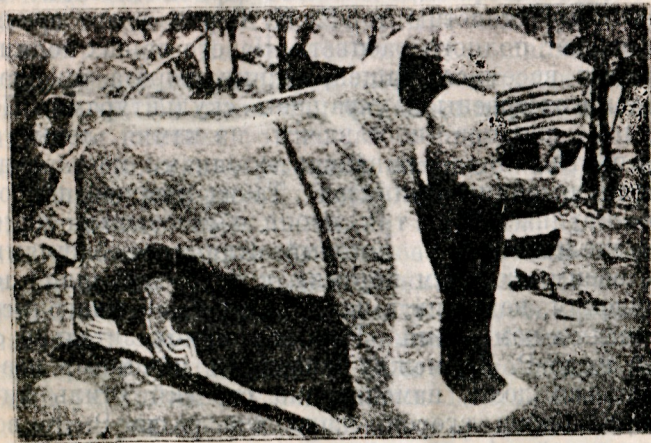
Обращаясь к рельефам, украшающим фасад стен, мы прежде всего должны отметить две главные серии, на которые, как и в Языли-Кайе, распадается вся композиция. С левой стороны изображен храм быка с жрецом, жрицей и молящимися, принесшими для жертвоприношения небольших животных. С правой стороны центром культа является сидящая на троне богиня. Бык является символом силы и могущества, тогда как богиня, без сомнения, представляет мать-природу, оплодотворяемую небесным богом. Перед быком алтарь, и во главе процессии стоит царь-жрец того же типа, как на изображениях в Богаз-Кёе. На нем такая же шапка, тогообразная одежда, серьги и обувь с загнутыми вверх концами. В правой руке у него обернутый вниз *lituus*, а левую он держит над алтарем. За ним идет женщина, верховная жрица,

царица, лицо которой и головное украшение отбиты. После пробела (не сохранилась часть камня) на новой плите мы видим, как мужчина ведет барана и трех овец для жертвоприношения. Далее следуют трое молящихся. Четвертый камень дает весьма интересное изображение, состоящее из двух мужских фугур, одна из которых стоит наверху лестницы в двадцать ступеней. Исследователь (Гарстанг) думает, что рисунок изображает мастера, высекающего на стене изображения. На этой же и следующей плите идет процессия музыкантов, обращенная в противоположную сторону и, по всей вероятности, составляющая часть совершенно другой картины.

Серия скульптур на правой руке также открывается изображением религиозного обряда: сидит, как уже было указано, богиня на троне, являющаяся прототипом богини-матери, колоссальное хеттское изображение которой на горе Сипиле греки считали превращенной в камень Ниобой. Аналогичные изображения мы встречаем и в Языли-Кайе, и на скале у Фрактина, и в Кархемыше, следовательно должно думать, что ее культ был свойственен всем хеттам, и, может быть, правильнее сказать — даже всей Малой Азии. Свою правую руку она поднесла к устам, а в левой держит чашу. Перед ней стоят шесть поклонников. На следующей плите с большим реализмом изображен бык, приготовившийся к нападению. Сбоку правого сфинкса сохранилось изображение двуглавого орла с распростертыми крыльями, на которых стоит какая-то несохранившаяся фигура. Помимо изображений, в Эйюке было найдено несколько камней с иероглифическими надписями.

Зенджирли. Другой хеттский город, раскопанный на этот раз экспедицией Немецкого Восточного Комитета под руководством ф. Лушана, лежит на севере Сирии, к востоку от горной цепи Амануса в местечке Зенджирли. Он доставил много остатков хеттского искусства, а позднейшая история города выясняется при помощи ряда письменных памятников, которые хотя не принадлежат к периоду хеттского владычества, все же дают нам опорные пункты для предшествующей эпохи. Открытые памятники и архитектурные остатки принадлежат к трем главным эпохам — хеттской, арамейской и финикийской. В продолжение арамейской эпохи место было столицей государства Самалла, которое было вассалом Ассирии и управлялось местными царями, носившими имена Панамму и Баррекуб. Ранее оно, возможно, составляло часть хеттского феодального государства Хаттина и было присоединено к Ассирии Тиглат-Пилезером III в 738—735 гг. В 670 г. до Р. Х. Ассархаддон сделал его своей временной резиденцией во время своей войны с Египтом и Тиром и поставил здесь стелу в память своих побед. Раскопки обнаружили перед нами окруженный стенами акрополь, в котором было несколько дворцов и других зданий и который опоясывался внизу на равнине городом, также окруженным двойной стеной. Относительно точной хронологии отдельных частей города разошлись мнения самих исследователей, производивших раскопки, что, между прочим, объясняется невниманием к керамическим остаткам, являющимся, при отсутствии письменных памятников, одним из лучших средств для определения хронологии

слоев. В общей форме результаты раскопок сводятся к следующему: в городе несомненно, как уже мы сказали, можно различить три периода, первый из которых может принадлежать ко второму тысячелетию до Р. Х., когда город ограничивался только одним холмом, позднее превратившимся в его акрополь. В нем дома тесно при-

Архаический лев из Зенджирли.

мыкали друг к другу, и их внешние стены, будучи непрерывными и не имея окон, представляли оборонительную стену вокруг вершины холма. Вход был с юга, но ворота не были еще украшены столь характерными для хеттской архитектуры скульптурами.

Второй период, когда город распространился уже на равнине вокруг акрополя, является есте-

ственным продолжением первого. Стрoения этого периода характеризуются рядами балок, проложенными между каменной кладкой. Эту фазу можно датировать двенадцатым столетием до Р. Х., и следует отметить, что ассирийский царь Тиглат-Пилезер I скопировал для своего дворца план этого дворца хеттов (хилани).

Третий период относится приблизительно к восьмому столетию до Р. Х. Город в это время достигает полного расцвета. На его стенах поднимаются восемьсот башен; южные ворота окончательно отстроены и украшены скульптурами. По углам дворцов поставлены из камня львы, а их портики поддерживались колоннами, поставленными на спины сфинксов. Таких дворцов наиболее крупных было три, и они образовывали один определенный тип, который отличался башнями по обеим сторонам портика, к которому шли по ступеням, ведущим в зал, окруженный многочисленными комнатами. Начиная приблизительно с 750 г. до Р. Х., между дворцами начинают вводиться дома, изменяющие строгий стиль хилани. Город сгорел около 680 г. до Р. Х. во время войн Ассархаддона.

Древнейшие скульптуры, найденные при раскопках, были обнаружены у южных городских ворот. В виду многочисленности изображений мы отметим лишь наиболее интересные, напр. крылатое чудовище с головой орла и человеческим туловищем, одетое в короткую тунику, с поднятыми вверх обеими руками. С боку головы орла спускается локон волос, оканчивающийся обычным завитком. С середины пояса спускается кисть. Едущий на коне без стремян всадник держит в руке

свою собственную маску. Одет он в обычный хеттский костюм: короткая туника, а на голове коническая шапка, из под которой спускается локон или коса волос. С левой стороны висит кинжал, а в правой руке он держит, возможно, лук. Далее на одном из камней изображены два чудовищных мифологических существа, расположенные одно над другим, т. е. одно позади другого. Нижнее имеет тело льва с лицом человека и локонem на шее. На голове коническая шапка, оканчивающаяся шаром; края спереди и сзади загнуты вверх. На спине крылья, хвост поднят и оканчивается птичьей головой. У верхнего чудовища лишь иная голова (птицы?), остальное все то же.

Более интересны, хотя новее, скульптуры, украшающие главные ворота акрополя, которые имеют расположение одинаковое с воротами Эйюка и Богаз-Кёя, т. е. подход к ним защищен двумя фланговыми башнями, а между обеими дверями находится продолговатая комната. Весь фасад входа, как башни, так и базы около пиластров, были украшены скульптурными плитами, исполненными рельефом; изображенные предметы весьма разнообразны; божества, мифологические эмблемы и охотничьи сцены. Построены ворота, вероятно, во второй период города, хотя их окончательная отделка относится к более поздней эпохе. Всего на воротах изображено тридцать две сцены. Интересны костюм и вооружение изображенных воинов. Они вооружены копьями и длинными мечами, на голове шапка с шарообразным верхом, на ногах обувь с загнутыми вверх носками; в левой руке небольшой щит в виде восьмерки. Рядом изображены львы; чудовище с телом человека и

головую льва; пиршество; крылатый сфинкс с человеческим лицом и телом льва, за которым следует воин с мечом и щитом; хвост сфинкса поднят вверх и оканчивается головой птицы; грифон с телом льва и головой орла; женская фигура с опущенными крыльями, телом человека и головой орла; изображение бога грома (Тешуба?) с молниями в одной руке и молотом в другой; сидящая женская фигура; несколько музыкантов и т. д.

Сакче-Гёзп. Третий город и дворец, раскопанный, к сожалению, лишь отчасти Ливерпульской экспедицией, Сакче-Гёзп, к северо-востоку от Зенджирли, показывает уже упадок чисто хеттской культуры и искусства и еще больший рост ассирийского влияния. Мы встречаем здесь, правда, хеттских сфинксов, как базы для колонн, но большинство изображений носит ясную печать заимствования из Ассирии: таковы, напр. орлоголовые крылатые божества или две фигуры, стоящие друг против друга и поливающие священное дерево. Шапки на этих фигурах подобны современным фескам, но с шаром на макушке и рогом сбоку; бороды и волосы исполнены в условном ассирийском стиле. Над фигурами по обоим бокам плиты находится эмблема в виде розетки из 12 лепестков и полумесяца над нею. В этом один исследователь (Rigeway, Journ. Royal Anthropol. Instit. 1908) видит прототип звезды и полумесяца турок. Прически уже не имеют характерных свешивающихся назад кос, обувь потеряла свои загнутые вверх носки. Небезынтересно наблюдение, сделанное исследователями, что база для колонны со сфинксами впоследствии служила в качестве алтаря, ибо по

База статуи из Зенджирли.

бокам ее было найдено много сожженных костей и пепла. Как в большинстве обитаемых городов, холм Сакче-Гёзи представляет напластование ряда последовательных поселений, в нижних из которых были найдены остатки еще неолитической культуры, кремневые и обсидиановые обломки и черная посуда, обожженная прямо на огне со свободным доступом дыма. К этому периоду относятся три нижних слоя; два следующих принадлежат к халколитическому периоду. В конце последнего по-является посуда нового расписного стиля.

Главная стена города была построена в следующем периоде, когда среди керамики уже определенным образом встречаются изделия поздне-эгейского искусства, в то время как масса посуды принадлежит к типу сильно обожженной ассирийской посуды. Дальнейшие раскопки, несомненно, дадут возможность путем сравнения с керамикой других местностей определить более точно хронологические границы поселения. Пока можно отметить, что черная посуда, иногда украшенная белым насечным орнаментом, сходна с посудой, найденной Шлиманом в Троаде и Эвансом на Крите; во-вторых, что немногочисленные фрагменты керамики с черным рисунком по желтоватому фону, принадлежащие в Сакче-Гёзи к неолитическому слою, вполне соответствуют керамике эпохи Нарам-Сина, найденной де Морганом при его раскопках в Сузе; в-третьих, что отдельные фрагменты расписной керамики аналогичны керамике, найденной Пемпелли в Анау в Туркестане, Фл. Петри в царских могилах первой династии в Абидосе, а особенно Эвансом в первом ранне-минойском слое на Крите. Эти сопоставле-

ния очень важны, указывая на сношения между всеми странами Передней Азии и Эгейского мира в весьма отдаленную эпоху.

Другие памятники хеттского искусства. Мы не станем разбирать подробно другие памятники хеттской культуры ¹⁾, укажем только некоторые пункты, где они были найдены, с целью отметить наиболее важное из них. — Хамат в северной Сирии был первым местом, где камни, высеченными на них хеттскими надписями, привлекли внимание путешественников еще в начале XVIII в. — Малатия, лежащая возле слияния Тохма-Су с Евфратом, укрепленный хеттский город, известен своими плитами с рельефами и надписями, хотя раскопок систематически там еще не производилось. — В соседстве с Палангой (Чифтлик) была найдена часть статуи, обделанной в форме колонны и покрытой хеттской надписью. — Во Фрактии (Ферак-Дин) мы имеем награвированные на скале изображения, представляющие поклонение матери-богине и ее сыну. — На крайнем западе Малой Азии хеттские памятники мы имеем в Ангоре, Гяур-Калеси, Чесме Кёрру, Доганлу, Бей-Кёе, Сипиле, Карабеле и Илджине. Из них о сидящей статуе богини-матери, на горе Сипиле, мы уже говорили; равно как говорили и о том, что греки видели в ней обращенную в камень Ниобу, оплакивающую потерю своих сыновей и дочерей. Уже Гомер знает „от богов превращенную в камень Ниобу“

¹⁾ Список их и отчасти описание см. Garstang, The Land of the Hittites, London 1910 и Messerschmidt. Corpus Inscriptionum Hetteticarum.

(Нас XXIV: 615), и Павсаний (II в.), бывший, возможно, уроженцем этой местности, отмечает, что сходство это можно заметить лишь на известном расстоянии. Что это изображение есть именно изображение малоазийской матери богов, Ма-Кибелы, видно из его же слов (III. 22. 4): „Здесь в Эрии находится храм матери богов с ее каменным изображением. Народ Эрии говорит, что это древнейшее святилище богини в Пелопоннесе. Самое же древнее из ее изображений находится на скале Коддина в Магнесии, к северу от Сипила. Магнесийцы уверяют, что оно сделано Бротеем, сыном Тантала“.

Другой хеттский памятник на западе Малой Азии находится возле прохода Кара-Бел на дороге от Эфеса к Сардам и Смирне. На перпендикулярном склоне скалы в нише высечено изображение идущего воина. Геродот (II. 106), рассказывая о Сесострисе, уверяет, что данный памятник сооружен им. „Два его изображения высечены им на утесах на дороге, ведущей из Эфеса в Фокею и из Сард в Смирну. С обеих сторон изваяны два человека в четыре с половиной локтя, держащие в правой руке копье, а в левой — лук, и прочая одежда их одинакова, ибо это египтянин и эфиоп; от одного плеча до другого через всю грудь тянутся египетские священные письма, означающие: „Я покорил эту страну своей мощью“. Описание сделано довольно точно, хотя самая местность указана не вполне верно; точно указание и на то, что таких изображений было два. Камень в настоящее время оборвался и в сильно испорченном виде лежит у подношья горы. Подобное изображение двух идущих воинов мы

Рельеф на скале Ивриза.

имеем на скале в Гяур-Калессе; хотя фигуры не снабжены надписями, но детали одежды, обувь с загнутыми вверх носками, короткие туники и остроконечные шалки не оставляют никакого сомнения в принадлежности и этих рельефов хеттам. На пути из Тианы к Эрегли в Ивризе находится одно из знаменитейших скульптурных хеттских изображений. На скале изваяно рельефом гигантское изображение бога покровителя виноградарства и земледелия, а перед ним царя-жреца в позе адорации. Интересны ярко выраженные художником семитические черты лица, горбатый нос и курчавые волосы и борода. Три краткие иероглифические надписи сопровождают изображение. На этом мы останавливаемся в описании важнейших хеттских памятников, отсылая за дальнейшими сведениями к указанной книге Гарстанга.

3. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЯЗЫК ХЕТТОВ

Археология вскрыла перед нами историю хеттов с очень отдаленного времени. Раскопки в Сакче-Гёзи у южной подошвы Тавра указывают на культуру, начатки которой восходят приблизительно к 4000 г. до нашей эры и которая продолжалась вплоть до ассирийского завоевания. Древнейший неолитический слой ее общ с культурой Суз, с одной стороны, и Крита и Троады, с другой. К сожалению, при настоящем положении наших сведений о древнейших поселениях Малой Азии нет возможности сказать, развилась ли хеттская и эгейская цивилизация из какого-то третьего пункта, или же одна является родоначальницей другой. Что связь между ними бесспорно

существовала, ясно доказывается также лингвистическим материалом — изучением названий местностей — собранным Авг. Фиком. Наивысшего развития хеттская культура достигает ок. XIV столетия до Р. Х., когда она многими сторонами своими подпала под влияние Вавилонии. Но откуда пришли хетты и к какой группе народов они принадлежали, до сих пор остается неясным. Повидимому, под этим именем объединялась целая группа народностей, ибо изображения хеттов на египетских памятниках существенным образом отличаются от позднейших изображений народа на его собственных памятниках. Египетские художники передали нам определенно монгольский тип хеттов с косой, продолговатыми косо поставленными глазами, выдающимися скулами и отсутствием растительности на лице. Позднейший тип мы имеем на изображениях, напр. в Кархемыше (ок. IX ст.). К этому же позднему слою принадлежат изображение бога в Ивризе и рельефы из многих других местностей. Первый тип долихокефальный и напоминает этрусский, приводя на память рассказ Геродота о происхождении этрусков из Лидии; второй определенно брахикефальный и напоминает армян. Возможно, что первый тип аборигенальный, а второй является расой завоевателей, пришедшей с севера, с Кавказа, и установившей свое господство над туземцами. Косвенным подтверждением этого предположения может служить следующее соображение: портрет хеттского царя Хаттушила, т. е. человека господствующего класса, на египетском рисунке отличается от типа его воинов в битве при Кадеше и приближается ко второму типу.

Особый стиль хеттского искусства обязан своим возникновением этой расе завоевателей, принесшей его, а вероятно и начатки иероглифического письма, с Кавказа, ибо на одном предмете из Кедабега в Закавказье найдены были аналогичные значки. Разбросанное положение памятников этого стиля указывает, что их распространение было связано с завоеванием, а не с постепенным распространением населения.

С такой двойственностью рас связана, может быть, и двойственность, наблюдающаяся в истории хеттов. В древнейший период столица их лежит на севере в Богаз-Кёе, в позднейшем мы находим ее на юге в Кархемыше. В письменности на севере господствует клинопись и едва встречаются начатки иероглифического письма в виде символов на изображениях; на юге же до сих пор не найдено клинописных табличек, но зато встречаем вполне развитую систему иероглифов. Едва ли можно думать, что это различие в письменности связано только с различием языка.

Если думать, что все дело в языке, то мы могли бы надеяться встретить в языке клинописных табличек один язык; или язык расы завоевателей, пришедших с Кавказа, или, по другому предположению, язык туземцев. В последнем случае некоторую помощь могло бы оказать изучение одного из языков запада Малой Азии, хотя они приблизительно на 1000 лет моложе богаз-кёйских.

Важнейшие из этих языков следующие: фригийский, относящийся к индо-европейской группе и в позднейших надписях обнаруживаю-

щий сильное греческое влияние ¹⁾. Он производит впечатление введенного языка, смешанного с туземным, настоящий характер которого трудно определим. Винклер полагал, что это язык мосхов, отождествляя Миту из Муски с фригийцем Мидасом. Памятники лидийского языка стали известны только в последнее время, когда были изданы найденные в Сардах надписи, среди которых одна двухязычная, арамейская и лидийская, датированная десятым годом Артаксеркса, т. е. 455 г. до Р. Х. ²⁾. Все они написаны греческим алфавитом с некоторыми добавочными значками. Повидимому, он не был индо-европейским языком. Так как в Лидии найдены хеттские памятники, то вполне возможно, что оба языка родственны между собой. Ликийский язык давно известен из надписей ³⁾, которые однако не старше V столетия до Р. Х. и писаны греческим алфавитом с добавочными значками. Ликийский язык также, повидимому, не индо-европейский, но он едва ли стоит в какой-либо связи с хеттским. В стране не было найдено ни одного хеттского памятника, и если хетты были завоеватели, они не проникали в эту горную область, которая через Родос была всегда связана с Критом и Эгейским миром.

Обращаясь к востоку, мы прежде всего должны исключить всякое сравнение с семитическими язы-

¹⁾ См. Calder в Journal of Hellenic Studies 1911.

²⁾ Sardis. Vol. VI. pt. I of Publications of the American Society for the Excavation of Sardis (1916).

³⁾ Изданы Kalinka, Tituli Asiae Minoris, Vol. I. 1901.

камн. Несмотря на то, что в древнейший период хетты широко пользовались семитическим вавилонским языком, все же строение их природного языка совершенно отлично от семитических. Более сходства встречаем в языке Митанни: собственные имена обоих народов содержат много общих элементов, но от самого языка Митанни мы имеем один лишь длинный образец среди тель-амарских писем. Образец этот не раз служил предметом исследования, и последний ученый, занимавшийся им, считал возможным отнести его к кавказской группе языков, близких к грузинскому ¹⁾. Другой народ, с которым хетты были в тесных сношениях, касситы.

В продолжение всего древнейшего периода касситская династия управляла Вавилоном, и оба царства, как показывает клинописная переписка из Богаз-Кёя, были в постоянных сношениях ²⁾. Все наше знание касситского языка ограничивается кратким словарем. Язык этот не семитический и ближе всего, по видимому, к эламскому. Наконец, в надписях вокруг озера Ван мы имеем остатки ванского, или халдского, языка. Цари этой области в VIII и VII столетиях до Р. Х. образовали могущественное государство, называвшееся у ассирийцев именем Напри и Урарту. Акад. Н. Я. Марр, в своих многочисленных работах, разбирая этот язык, который не индо-европейский и не семитический, относит его к установленной им группе яфетических язы-

ков ¹⁾, к которой относится им большинство кавказских, малоазийских, этрусский и баскский языки.

Таковы языки народов, с которыми были в сношениях хетты. В виду того, что они дали очень мало для выяснения характера языка хеттов, пришлось обратиться к исследованию языка их, поскольку он сохранился в клинописных текстах. Среди тель-амарской переписки были найдены два письма от царя страны Арцава, местоположение которой было неясно до 1907 г., когда находки в Богаз-Кёе доказали, что это был язык области древнейшей хеттской истории. Исследователи довольно единодушно пришли к заключению, что, хотя жители области Арцава жили окруженные со всех сторон не индо-европейскими народами, все же язык их был не только индо-европейский, но даже принадлежал к западной его ветви и был наиболее близок к латинскому языку. Венский проф. Грозный является в настоящее время главным защитником изложенного взгляда, который однако вызывает и серьезные возражения со стороны других ученых (напр. Cowley), указывающих, что приводимые им аналогии являются малоубедительными и что язык Арцава до сих пор все же не может быть переведен. На Грозного несомненно оказало влияние замечательное открытие Винклера, нашедшего среди богаз-кёйских табличек клинописный текст договора между Хатти и Митанни, в котором каждая сторона призывает в свидетели своих

¹⁾ Bork. Die Mittannisprache в Mitt. d. Vorderasiat. Ges. 1909.

²⁾ См. Б. А. Тураев. История древнего Востока. 2-е изд. т. I, стр. 159—165.

¹⁾ См. его замечания об этом языке по поводу вновь открытой надписи Сардура II в Археологической экспедиции 1918 г. в Ван. Петроград 1922.

богов. Со стороны Митании среди иных богов упоминаются чисто арийские божества Митра, Варуна, Индра и близнецы Насатья (=Ашвинам=Диоскурам). Это обстоятельство доказывает если не то, что митанийцы были индо-европейцами, то во всяком случае их нахождение под индо-европейским влиянием. Винклер предполагает, что это влияние оказывали на них харри, народ, упоминаемый в богаз-кёйских документах, чье название он отождествляет с ариями. Но с другой стороны, по исследованиям Грозного остатка языка этих харри совершенно не имеют индо-европейского характера. Во всяком случае в эту раннюю эпоху (ок. 1400 г. до Р. Х.) арийцы, если двигались с севера в Индию, могли занять Митанию и образовать здесь правящий слой. Трудность состоит еще в следующем: мы можем отметить следы семитического влияния в хеттском языке, потому что мы знаем современные ему семитические формы: для индо-европейских языков мы современных форм не имеем, а то, что мы можем выделить, как наиболее характерное для языка, скорее всего говорит за его не индо-европейское происхождение.

Многие хеттские имена состоят из сложения со словом Тарк(у), — напр. Таркунаци, Таркундараба, Таркушимме и др., — и эта их составная часть должна значить, без сомнения, или имя бога, или же туземное слово обозначающее „бог“ (ср. греческие Феодор, Феофил, Феоктист и т. д.). Подобные имена мы встречаем в Киликии, язык которой не дошел до нас, а также в Ликии, в надписях которой постоянно попадает элемент Трк. Далее хеттские имена наиболее часто имеют форму, с окончанием на —шил: Хаттушил, Муршил

при чем Геродот (I, 7) объясняет последнее имя (Μουσίλος) как „сын Мурса“, а в недавно открытых лидийских надписях — „л“ как раз является патронимическим суффиксом, подобно как в этрусском. Другие имена с суффиксом —ндаш, —нташ (Арандаш, Арнуанташ) заставляют вспомнить о хорошо известном суффиксе малоазийских названий местностей на —αδα, —αδ, —который мы находим и в Эгейском мире и который был, повидимому, широко распространен среди доисторического населения Средиземного моря, эгейцев или минойцев.

Таким образом правильное и осторожное будет сказать, что имя хеттов прилагалось к конгломерату народов, говоривших на разных языках и бывших разного этнического происхождения. Не раз уже упомянутые нами клинописные таблички из Богаз-Кёя дают этому ясное доказательство. Среди языков, на которых написаны эти таблички, исследователь ¹⁾ различает восемь отдельных видов: сумерийский; аккадский; канесийский, ранее называвшийся хеттитским; праиндийский, харрийский, протохеттский или хаттийский, лувийский и балайский. Названия всех этих языков мы узнаем из самих текстов: в заклинаниях и описаниях религиозных празднеств, написанных на канесийском языке, встречаются места, написанные на других языках, при чем каждый раз они вводятся выражениями: „затем он говорит (поет) на таком-то языке“, или „певец поет в честь бога имярек на таком-то языке“. При этом указывает

¹⁾ Em. Forrer. Die acht Sprachen der Bogazköi - Inschriften. Sitzungsberichte Берлинской Академии 1919, стр. 1029—1041. Мне недоступна позднейшая его работа, появившаяся в Mitteilungen d. Deutschen Orientgesellschaft № 61 (1921).

мая формула выражается тройко: или „Певец из Харри (Хатеми, Луви, Канеса) поет“, или „харрийский (хаттийский, лувийский) певец поет“ (прилагательного от Канес не встречается), или „певец поет по-харрийски (хаттийски, лувийски)“, и здесь встречается, повидимому, наречие насили, дающее повод Форреру называть четвертый язык и насилийским. Предлагая заменить ранее употреблявшееся название хеттский язык через канесийский, он основывается на следующем: так как все три, встречаемые в этих текстах не хеттские языки уже названы, как харрийский, хаттийский и лувийский, то выступление певца из Канеса, на языке которого и написаны тексты, несомненно, является выступлением певца господствующего народа, каковым были в это время хетты. Было бы совершенно необычным явлением, если бы боги хеттского царства воспевались только на языках покоренных народов, а не на языке того народа, который господствовал в это время над большей частью севера Передней Азии. Нужно отметить, что Хашаммилишу, богу-покровителю царя Муршилиша хвала поется по-канесийски, равно как и Тешубу.

Переходя к распространению этих языков, следует отметить, что орфография восточной Малой Азии следуют языки—харрийский, распространенный от Катаонии до Верхней Армении; протохеттский, господствовавший от Катаонии до Черного моря, и балайский, на котором говорили к востоку от области протохеттского языка. Орфографии западной Малой Азии следуют языки канесийский и лувийский. По взаимному отношению эти языки группируются так: харрийский язык близок

к митаннийскому; протохеттский или хаттийский язык странным образом не родственен ни с харрийским, ни с канесийским. Он язык населения страны Хатти в узком смысле. Лувийский язык встречается в весьма немногочисленных фрагментах и до сих пор не поддается точной дешифровке; он не имеет никаких префиксов и совершенно отличен от харрийского или митаннийского, но зато весьма близок к канесийскому, и последний заимствовал из него свой конъюнктивный суффикс и, вероятно, многие слова. Характерно для него, между прочим, удвоение в praeteritum (?), как в индо-европейских, напр. tetarhanda, mimentowa, elelhanda. Глагольные окончания—du,—andu,—indu напоминают о соответствующих индийских суффиксах—d и ênt (но вспомним такие же суффиксы в Малой Азии), также как окончание существительных—s и—n (ср.—s в Nom.,—m в Acc. в индо-европейских или финно-угрских языках). Последнее обстоятельство заставляет исследователя поставить вопрос, не относится ли лувийский язык вместе с лидийским к исчезнувшей южной ветви финно-угрского семейства языков. Балайский язык встречается много раз в описании празднеств в однообразной формуле: „Жрица говорит по-балайски заговор на хлеб, вино и т. п.“. Последний из богаз-кёйских языков—праиндийский—встречен пока всего в четырех табличках; попадающиеся там слова—технические термины разведения лошадей.

Об употреблении того или иного языка и об его географическом положении можно дать следующие указания.

Сумерийский изучался как мертвый священный язык в высших школах в городах Хатташани и Ариинна.

Аккадский употреблялся лишь в дипломатических сношениях с теми странами, в которых не говорили по-канесийски. На нем составлены договоры с Египтом, Митанни, Халабом и Кицвадна. Последнее обстоятельство очень интересно: из него мы видим, что в стране Кицвадна, простиравшейся вдоль Черного моря приблизительно от Амиса до Колхиды, во время царя Муватталли правящий слой говорил не по-канесийски, между тем как рассказ о жертвоприношении позднейшего царя Баллийяша написан по-канесийски.

При религиозных церемониях, как мы упоминали, певец поет песнь богу на языке той страны, которая является местом происхождения данного бога. Когда положение этого места известно, то им определяется и область данного языка. На харрийском языке воспеваются Иштар из Нинувы. Это не может быть город Ниное-Афродисада в Карию, так как последний назван в другом месте. Следовательно, дело идет о Ниневии. Все вавилонско-сумерийские боги, как Ану, Эа, Энлиль, Дамкина, Аллатум и др., воспеваются по-харрийски, из чего следует заключить, что хетты приняли культы этих богов через харрийское посредство.

Только митаннийских, а не хаттийских божеств: — Митрассил, Арунассил, Индара, Насаттияна — переняли харрийцы, вероятно, у пограничных с ними на северо-востоке праиндийцев. Местожительство последних мы можем принять на правом берегу р. Куры, приблизительно от Елизаветполя до

Каспийского моря. И теперь нет никакого сомнения, что одно из двух касситских слов, обозначающих солнце — *surijās* — не только созвучно, но и действительно идентично с индийским словом сурья. Так как касситы то же племя, что каспий — (п есть обычное окончание множественного числа, помимо многих кавказских языков, в эламском и луллубейском) — и так как они впервые на исторической сцене появляются ок. 2073 г. до Р. Х. на восточной границе Вавилонии, то устанавливается следующая вероятная историческая связь. Кассии в III тысячелетии сидели на южном берегу р. Куры и у Каспийского моря, примыкая по языку к грузинской группе. Около 2500 г. пришли с севера через Кавказ праиндийцы и оказали своими более высокими религиозными представлениями влияние на кассиев. Под давлением вновь вторгнувшихся индо-европейских племен часть населения, страна которого в долине Куры была открыта врагу, искала нового местожительства и нашла его сперва в западной Мидии, где она подобно клину врезалась между луллубеями и эламитами, откуда проникла в Вавилонию. Праиндийцы же, или, по крайней мере, часть их, удерживали свое местопребывание до XIV—XIII столетия (время найденных текстов), а затем в свою очередь двинулись на восток.

К западу с праиндийцами граничила группа грузинских языков, „которые, по летописям, некогда должны были распространяться также на северную половину Малой Азии“. Они сильно отличались от харрийских языков, позднейшим потомком которого является халдский (алародийский) язык до-армянских клинописных надписей.

Страна Бала, имя которой встречается в местности Блаена в Пафлагонии, лежала к востоку от города Хаттушаш (Богаз-Кёй), в горах между понтийской Команой (Токал) и Севастией (Сивас). Упоминание страны Бала рядом со страной Хатти и страной Лувия в законах делает вероятным, что балайский язык имел обширный Hinterland, и факт, что заговоры на серебро были составлены по-балайски, позволяет заключить, что в балайской области лежали важные места культа, жречество которых составляло эти тексты, ибо заклинания какого-либо маленького горного народца не могли бы достигнуть такого важного значения в области чужого языка. К этому присоединялся авторитет знаменитого места культа Куммани (Понтийской Команы), которая была равным образом столицей царства Кицвадна. Что область балайского языка охватывала также понтийские прибрежные горы, видно из того, что заклинание для серебра было составлено на этом языке, ибо в этих горах лежали серебряные рудники в Аргирии у Триполиса (Aegian Peripl. 24) и в Гюмюшхане у Трапезунда. Здесь, вероятно, следует искать страну Алибу в области Ализонов, в которой по КATALOGУ Илиады, месторождение серебра. Но если балайский язык был языком страны Кицвадна, то его следует отнести к грузинской группе кавказских языков, к которой, как не раз указывалось, близок армянский язык. Так как свидетельство надписей указывает, что в Великой Армении, перед самым вторжением туда армян, говорили по-халдски, так что местный язык не мог повлиять на близость армянского языка к грузинскому, то первый мог получить кавказско-грузинский оттенок только

в Малой Армении. Когда ветвь фригийцев ок. 706 г. до Р. Х. передвинула армян в Малую Армению, они подверглись сильному туземному влиянию, которое Форрер считает балайским. Затем армяне, приобретшие этот балайско-грузинско-кавказский оттенок, завоевали в следующем столетии Великую Армению. Таким образом, к области балайского языка следует отнести царство Хайяса (Hajasa), которое лежало в верховьях долины Евфрата, Аракса и Чороха.

На западе к Бала примыкал союз городов гасгейцев, отдельные местности которых, может быть, пользовались протохаттийским языком. К протохаттийским городам к северу от Галиса принадлежали — Хаттушаш, Цапшаланда, Нериг, Цитара, Шахбина. К югу от Галиса в Аринна, которая должна была лежать в области Мадаки, протохаттийский язык был местным языком. Не индо-европейский язык населения Арцава в Киликии, повидимому, должен быть родственным протохаттийскому, ибо имя царя Кате из Quae, встречающееся в летописях Салманассара III, есть не что иное, как проттохаттийское слово kätte = „царь“. Напротив, Катаония и Мелитена обе говорили по-харрийски.

Столица канесийцев, город Канеш, лежал в местности между Анкирой, Гангрою, Скилаком и Богаз-Кёем, скорее всего в области Анкиры. Он был столицей народа, вторгнувшегося из Европы во Фригию и там основавшего большое царство. Город упоминается в одном небольшом фрагменте надписи, как враг одного царя из династии Аккада — вероятно Нарам-Сина (ок. 2750 г. до Р. Х.) — рядом с царствами Хатти и Горсаура. Послед-

нее название одно из немногих имен, сохранившихся в течение столетий вплоть до римского времени. В этой области впервые после смешения с лувиями канесийский народ и язык развились в особое целое, и здесь же была принята для канесийского языка лувийская орфография. Из царства Кенеша в последующее время канесийский народ распространился на всю Малую Азию вплоть до Кидвадна, харрийских пограничных земель, Сирии и Арцавы.

Нельзя сказать, принадлежали ли гасгейцам местности к западу от нижнего Галиса в позднейшей Пафлагонии. Во всяком случае приводимое Страбоном как специально пафлагонское имя Rhatotes не канесийское, ибо в этом языке ни одно слово, насколько можем судить, не начиналось со звука р.

Из факта, что лувийцы пользовались той же орфографией, что канесийцы, можно было бы заключить, что в них следует видеть население запада Малой Азии. Заимствование канесийских слов и частиц из лувийского языка также говорит за их тесное родство, но, с другой стороны, мы находим в лувийских текстах слова, несомненно заимствованные у канесийцев.

Многочисленные в протохаттийской области и во всех частях Малой Азии, так же, как вообще встречающиеся в Передней Азии, имена местностей и лиц представляют протохаттийцев, как действительно первоначальное население Малой Азии и Сирии, в Каппадокии удержавшееся до римского времени. Так как харрийцы вторглись сюда, вероятно, с Кавказа, то протохаттийский язык при-
 17

от него сумерийскому. Многое также говорит за то, что язык, который встречается в протоэламских, еще не дешифрованных табличках из Сузы и который вымер уже в середине III тысячелетия до нашей эры, совершенно отличен от древне-эламского и, может быть, родственен протохаттийскому. Связь последнего с далее лежащими языками брахми и дравидскими не может быть определена, благодаря префиксному ха-

Хеттский цилиндр-печать.

рактеру хаттийского и сумерийского языков. Есть ли связь у протохаттийского языка с языками на запад от Малой Азии, в Греции и у лигуров и иберов, остается выяснить дальнейшим исследованием, но это весьма вероятно, если судить по работам акад. Н. Я. Марра.

Едва ли можно думать, однако, что иероглифические надписи, главная область распространения которых была на западе Северной Сирии, в Мелитене и Катаонии, были написаны канесийцами, потому что именно эти страны последними вошли в состав хеттского царства. Может

быть, они принадлежат населению вошедшего в хеттское государство великого харрийского царства Халаба или еще более древнего царства Мараша. Нахождение иероглифических надписей на границе Мелитены и Малой Армении также говорит скорее за харрийский характер их языка. Эта неопределенность языка иероглифических надписей служит одним из препятствий для их успешного дешифрования, тем более, что до сих пор не найдено ни одной длинной двуязычной надписи хеттскими иероглифами и какими-либо другими, известными уже нам письменами, и при всех попытках исходим из так назыв. печати Таркондема, на которой изображен хеттский воин с клинописной надписью вокруг края и несколькими хеттскими значками в середине. Но и здесь в чтении клинописи возможны колебания. Ранее читали Tar-ku-u-tim-me ŠAR MAT ERI-me-e и переводили „Таркондем царь страны Эрима“, теперь же читают Me-e Tar-ku-u-dim-me LUGAL KUR ERI и переводят „Я Таркондем царь земли города“. Сообразно этому чтению пытаются установить значение шести иероглифов, из которых фонетическое значение можно приписать только двум; третий, вероятно, соответствует слову Тарку, и три идеограммы для слов „царь“, „страна“ и „город“, неизвестно как произносившихся. К этим значкам Сайс, наиболее занимающийся дешифрованием хеттских письмен, прибавил из надписей значок, встречающийся над изображением божеств и обозначающий, очевидно, слово „бог“, и другой значок для слова „царь“. Применяя принцип чтения египетских иероглифов, где направление письма указывается направлением,

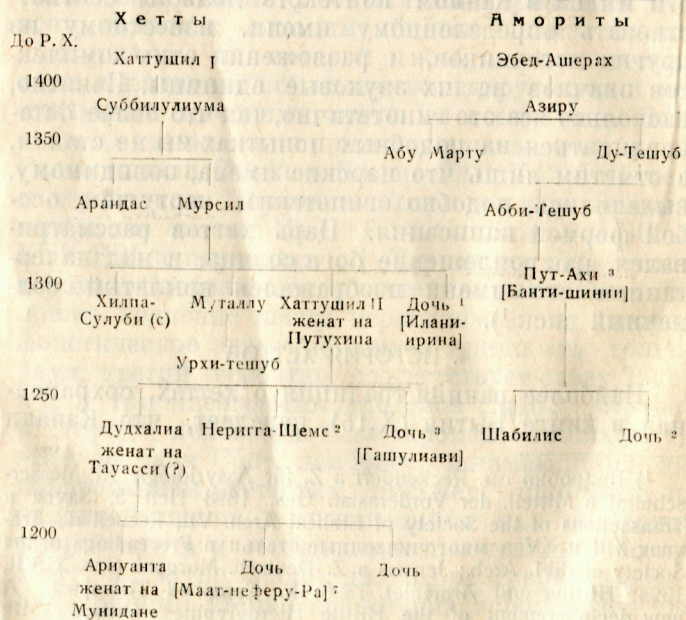
куда повернуты изображенные предметы, пришли к заключению, что в хеттском языке не было однообразного направления строк, а писали т. наз. бустрофедоном, т. е. каждая следующая строка шла в направлении, противоположном предшествующей строке. Часто встречающийся значок из вертикальной черты и подковы, повидимому, отделял слова друг от друга. Дальнейшая стадия дешифрования состоит в выделении групп собственных имен, определяемых детерминативом царя или страны, предположении, что эти имена в данном контексте должны соответствовать определенному имени, известному из других источников, и разложении этих комплексов значков на их звуковые единицы. Понятно, насколько все это гипотетично, так что более останавливаться на подобных попытках мы не станем, а отметим лишь, что царские имена, повидимому, выделялись, подобно египетским картушам, особой формой написания. Царь хеттов рассматривался, как воплощение бога солнца, и над начертанием его имени изображался крылатый солнечный диск ¹⁾.

4. ИСТОРИЯ ХЕТТОВ

Наиболее ранняя традиция о хеттах, сохранившаяся в книге Бытия (X.15), передает, что Канаан

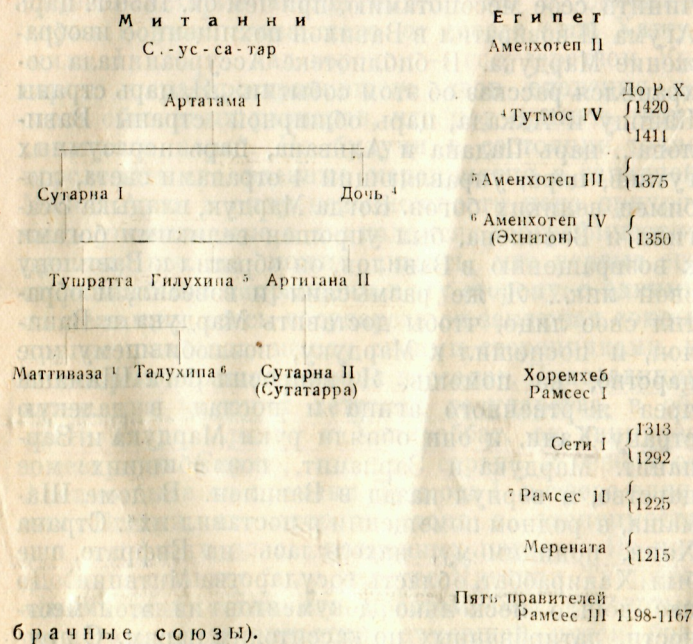
¹⁾ Подробно см. Reckendorf в Z. für Assyriologie XI; Messerschmidt в Mitteil. der Vorderasiat. Ges. 1898 Heft 5; Sayce в Transactions of the Society of Biblical Arch. VII, Recueil de Travaux XIII и XV и многочисленные статьи в Proceedings of the Society of Bibl. Arch.; Jensen в Z. Deutsch. Morgenl. Ges. XLVII, 1894; Hittiter und Armenier 1898; R. Campbell Thompson. A new decipherment of the Hittite Hieroglyphics. Oxford 1913; Cowley. The Hittites 1920.

родил Сидона, первенца своего, и Хета. Переводя это образное выражение „таблицы народов“ на простой язык, мы получаем, что по представлению источников, на которых базировался автор приведенного места, хетты сидели в северной Сирии. Затем они появляются уже на юге, в Хевроне (Бытия XXIII), где Авраам покупает у них пещеру для погребения Сарры в Махнеле. Если Амрафел, напавший на Содом в союзе с другими царями (Бытия XIV), есть, как принимают почти все исследователи, знаменитый вави-

лонский царь и законодатель Хаммураби, то этим дается приблизительная дата пребывания хеттов на юге Палестины ок. 2100 г. до Р. Х.

До последнего времени известия о хеттах мы черпали из египетских и ассирово-вавилонских летописей, в настоящее время к ним присоединились оригинальные хеттские документы из Богаз-Кёя, давшие Г. Винклеру возможность установить преемственность хеттских царей и их хронологическое отношение к соседним царям в таком виде:

Первое выступление хеттов в качестве военной державы Передней Азии было в царствование Самсудитана (1956—1926 г.г. до Р. Х.), когда они осмелились напасть на Вавилон, бывший первоклассной державой той эпохи. Вавилонские хроники кратко говорят: „Люди страны Хатти выступили против страны Аккад“. Город был ими во всяком случае взят, и оттуда была похищена статуя Мардука. Вслед за этим мы видим падение аморейской династии, и Вавилоном овладевают касситы, которым удалось оттеснить хеттов и подчинить себе Месопотамию, при чем ок. 1650 г. царь Агума II возвратил в Вавилон похищенное изображение Мардука. В библиотеке Ассурбанипала сохранился рассказ об этом событии: „Я, царь страны Кашшу и Аккада, царь обширной страны Вавилона... царь Падана и Альвана, царь неразумных гутиев, царь, управляющий 4 странами света, любимец великих богов. Когда Мардук, владыка Эсагила и Вавилона, был упрощен великими богами к возвращению в Вавилон, он обратил к Вавилону свой лик... Я же размыслил и взвесил, и обратил свое лицо, чтобы доставить Мардука в Вавилон, и поспешил к Мардуку, возлюбившему мое царство, на помощь. Я спросил бога Шамаша чрез жертвенного агнца и послал в далекую страну Хани, и они обняли руки Мардука и Зарпанит. Мардука и Зарпанит, возлюбивших мое царство, я вернул назад в Вавилон. В доме Шамаша, в родном помещении я поставил их“. Страна Хани, повидимому, находилась на Евфрате, где был Ханираббат, область государства Митанни. До нас дошло несколько документов из этой местности, датированных по касситским царям. С дру-

гой стороны, в касситских документах часто попадаются митаннийские имена, а Митанни, как мы видели, входило в состав хеттского государства. Хетты постепенно овладели Харраном и Месопотамией, а потом и Ниневией. Возможно, что завоевания их шли и южнее, тогда понятно и присутствие хеттов в южной Палестине.

Мы не знаем достоверно, в каких отношениях были хетты с касситскими царями. Во всяком случае ясно одно: их могущество не уменьшилось в продолжение ближайших четырех столетий. Связная история хеттов начинается с Суббилулиума I, унаследовавшего от своего отца Хаттушила I власть над городом — государством Кусаром и распространившего свои владения до столь обширных размеров, что мог принять титул „великого царя“. Не будучи в состоянии точно проследить его военные мероприятия в западной Малой Азии в виду невозможности пока приурочить упоминаемые в его надписях географические пункты, все же можно сказать, что первые его старания были направлены в эту сторону: с одними из лежащих здесь государств он заключал союзы, другие разделял между своими сторонниками, и некоторых обращал в своих вассалов. Присоединив затем два крупных хеттских государства в области Тавра: Арцаву и Халираббат, он двинулся в северную Сирию, где вся страна к северу от Алеппо была со времени Тутмоса I в сфере влияния Египта, от которого стоял в зависимости ряд сидевших здесь племенных царьков. Из них особенно сильное было царство Митанни. Тушратта, занимавший тогда его престол, был четвертым представителем династии, сумевшей путем бра-

ков—его тетка была женой Тутмоса IV, сестра—женой Аменхотепа III, дочь—женой Аменхотепа IV—закрепить за собой поддержку Египта против возрастающего натиска Ассирии с одной стороны и хеттов—с другой. Суббилулиума при расширении границ своего царства должен был столкнуться с Митанни, и мы знаем, что между ними действительно произошла война. Вначале, повидимому, Тушратта одержал верх; по крайней мере, в письме к Аменхотепу III он пишет: „Ниммурии, царю египетскому, моему брату, Тушратта, царь Митанни, твой брат. Мои дела идут хорошо Так как ты был хорош с моим отцом, то я послал тебе сказать, чтобы мой брат слышал об этом и был рад. Мой отец был в дружбе с тобою, и ты, вероятно, любил его еще больше. И мой отец во имя этой любви отдал тебе мою сестру. И кто другой был так близок к моему отцу, как ты? А я подношу еще больше.. всю страну хеттов. Когда враги вторглись в мою страну, Тешуб владыка предал их в мои руки, и я разбил их: никого не было среди них, кто бы возвратился домой. Посылаю тебе боевую колесницу, двух коней, мальчика и девочку из военной хеттской добычи, а в подарок для моего брата пять колесниц и пять упряжей. В подарок Гилухите, моей сестре—пару золотых ожерелий, пару золотых серег... каменный сосуд с благовонным маслом“. Переписка продолжалась и при преемнике Аменхотепа III, Эхнатоне, но она скоро прервалась, и события мы узнаем из богаз-кейских документов. Суббилулиума разбил Тушратта, опустошил левый берег Евфрата, прошел всю Месопотамию и даже область Алеппо, после чего заключил с Митанни

следующий сохранившийся до нас в отрывках договор: „Его (Тушратты) сын со своими слугами составил заговор и убил отца своего Тушратту... страна Митанни совершенно погибла. Ассирийцы и алеппийцы разделили ее между собой... Когда великий царь (хеттов) узнал об обнищании страны Митанни, он отправил своих придворных, своих быков, овец и лошадей, а те люди Харри были доведены до крайности“. Суттатара со своими приверженцами замыслил убить Маттивазу, сына царя. Последний убежал к „солнцу“ Суббилулиуме. Великий царь сказал: „Тешуб решил дело в его пользу; я взял Маттивазу, сына царя Тушратты, за руку и посадил на трон. Чтобы страна Митанни, великая страна, не погибла, великий царь призвал ее к жизни ради своей дочери. Маттивазу взял я за руку и дал ему мою дочь в жены“. Так Митанни сделалась вассалом хеттов. Сам Маттиваза сообщает следующие подробности об этом превращении: „Когда Суттарна (вар. Суттатары) властвовал в Митанни, его отец Артатана худо поступал со страной. Он расточил и отправил все сокровища в Ассирию и Алшу. Тушратта выстроил дворец и роскошно обставил его, а он все его драгоценности выдал ассирийцам, которые были вассалами его отца. Сауссатар, прадед, добыл из Ассирии дверь из золота и серебра и поместил ее во дворце в городе Варагании, а Суттарна вернул ее в Ассирию...“ Таким образом Суттарна II хотел заручиться союзом с Ассирией против хеттов; его двоюродный брат избрал обратный путь и на время спас себе царство. Суббилулиума одновременно с Митанни покорил и амореев южной Сирии, стараясь вместе с тем сохранить

хорошие отношения с Египтом и посылая ряд писем Эхнатону. Фараон, занятый своей религиозной реформой, ничего не предпринимал против врага, постепенно присоединявшего к себе страну за страной, бывшие прежде вассалами Египта, и тель-амарнская переписка ярко рисует картину интриг и раздоров, которыми умело пользовался хеттский царь.

Когда Суббилулиума умер и „взошел на гору, где на священной высоте соединился со своим богом“ ¹⁾, ему наследовал его сын Арандас, от которого не сохранилось никаких документов, а затем другой сын, Мурсил, имя которого в египетских надписях читается Маурасира. Он в своей хронике упоминает о завоевании своим отцом Митанни и о своих собственных сношениях с различными союзными государствами, хеттские имена которых не удалось до сих пор отождествить с именами, известными нам из других источников, Аморитский царь Абби-Тессуб в специальном договоре признал сюзеренство хеттского царя, и, вероятно, в эти годы мира и был построен новый царский дворец в Богаз-Кее, в северной части акрополя. Но на востоке и на юге появились угрожающие симптомы. Ассирийцы во главе с Салманассаром II оттеснили хеттов из областей к востоку от Евфрата, а в Египте вступила на трон XIX династия, второй фараон которой Сети I победоносно воевал с хеттами и увековечил свои победы на внешней стене большой ипостильной

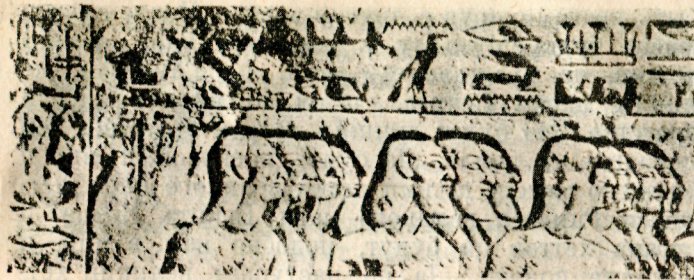
¹⁾ Выражение, может быть, указывающее на какой-то погребальный обряд у хеттов, подробности которого нам неизвестны.

залы храма в Карнаке. Преемник Мурсила, Муталлу, чтобы отразить египтян, призвал к себе на помощь войска всех подвластных или зависимых от него народов. Среди них, кроме хеттов, аринна и писидийцев, мы встречаем дарданцев, мисийцев, ликийцев и катаонцев. Северная Сирия от Кархемыша до Кадеша также прислала вспомогательные отряды. Битва произошла возле Кадеша. Египетское войско было застигнуто врасплох, и только личная храбрость молодого Рамсеса II и то обстоятельство, что враги занялись грабежом египетского лагеря, спасло египетскую армию от окончательной гибели. Но и хетты были так разбиты, что Муталлу отступил в Кадеш, где Рамсес не стал его преследовать. Египтяне во всяком случае приписывали себе победу, и подвиги Рамсеса были воспеты в официальном эпосе, дошедшем до нас на стенах карнакского храма в копии писца Пентаура. Результатом войны, неудачной для хеттов, был заговор, направленный против хеттского царя; Муталлу был убит, но династия все же удержала за собою престол: брат убитого царя, Хаттупил II (в египетских текстах Хеттасар), царствовал долго и, повидимому, счастливо. Война с Египтом закончилась в 21 г. правления Рамсеса II (ок. 1270 г.) мирным договором, текст которого, ранее известный нам в египетской версии, был найден в Богаз-Кее в хеттской версии. В виду интереса, который представляет этот документ, мы приведем его целиком.

„В 21 год, в первый зимний месяц, в 21 день, при величестве Усермара Рамсесе Мернамуне, да живет он вечно, почитателе богов Амона-Ра, Хор-маха, Пта, Мут, богини Аперского озера и Хонсу,

любящего мир, происходило всенародное сидение на троне Горе, среди живых вечно подобного отцу своему Хормаху. Его Величество был в граде „Дом Рамсеса Мериамуна“, творя угодные обряды отцу своему Амону, Гору горизонтов, Атуму, владыке обеих земель илиопольскому Пта, покровителю Рамсеса Мериамуна и Сутеху, сильному сыну богини неба Нут, да дадут они ему века в юбилеях, вечность в мирных годах, все страны и земли подчиненными под ноги его вовеки. Явился царский посол . . . представляя посла царя хеттов Тартисбу и другого посла царя хеттов (с серебряной дощечкой), которую Хаттушил, великий царь хеттов, прислал к фараону, чтобы просить мира.

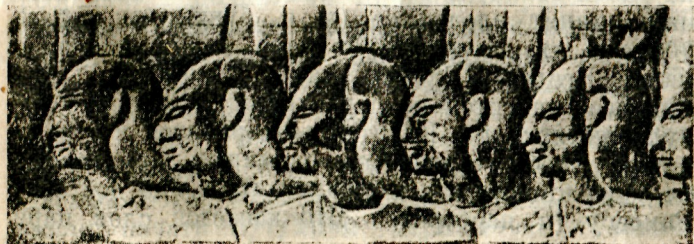
„Копия с серебряной дощечки, данной Хаттушилом через посла Тартисбу и посла Ремоса . . . Условия, предложенные Хаттушилом державцем сыном Маурасира (Мурсила), царя хеттов державца, сына Сапалула, великого царя хеттов, на дощечке из серебра для Усермара, великого царя Египта Рамсеса Мериамуна, сына Менепта Сети, великого царя Египта, прекрасный договор мира и братства... навеки. Изначала, от века, отношения были таковы, что никогда не давал бог, чтобы великий царь Египта и великий царь хеттов были врагами между собою, согласно договора. Но во дни Маутенру (Муталлу) царя хеттов, моего брата, он сражался с Рамсесом II, великим царем Египта. Потом, начиная с сего дня Хаттушил, великий царь хеттов, дает договор о следовании предначертаниям Ра и Сутеха для земли египетской со страню хеттов о том, чтобы не

Изображение азиатских послов при Рамсесе II.

Египетский принц вводит к Рамсесу II азиатских послов.

Хеттские пехотинцы в битве при Кадеше.

быть врагами друг с другом вовеки. После смерти моего брата Муталлу я сел, как царь страны хеттов, на престоле его отца, я с Рамсесом, великим царем Египта... и он со мною в мире и братстве. Это будет лучший мир и братство, чем прежние на земле. Да будет прекрасный мир и братство между детьми детей великого царя хеттов и Рамсеса великого царя Египта. Египет и страна хеттов да будут, подобно нам, в мире и братстве вовеки. Да не наступает великий хетский царь на Египет никогда в видах грабежа его (и взаимно). Справедливый договор, заключенный во дни Сапалулу, великого царя хеттов, а также во дни Маутенра (вместо Маурасира), великого царя хеттов, моего отца, да будет исполняться с моей стороны, да будет исполняться и Рамсесом, великим царем Египта... Мы будем держаться его и будем поступать соответствующим образом. Если пойдет какой-либо враг против владений Рамсеса, великого царя Египта, да пошлет он сказать великому царю хеттов: „Иди со мною с силами против него“—и царь хеттов поборет врагов его. Если у него не будет желания итти, да пришлет свои войска и свою конницу, чтобы побороть врагов его. Если разгневается Рамсес на рабов своих (т. е. азиатских подданных), когда они учинят злодеяние (т. е. бунт), он пойдет убивать их, да действует царь хеттов заодно с царем Египта. (Следуют такие же обязательства Рамсеса относительно царя хеттов). Если кто-нибудь убежит из Египта и отправится в страну хеттов, чтобы сделаться подданным другого, да не задерживают его в стране хеттов, но доставят Рамсесу (и наоборот)... Что касается слов царя

хеттов к царю Египта, начертанных на серебряной дощечке, то исполняют их тысяча богов мужских и женских страны хеттов по отношению к тысяче богов мужских и женских Египта. Они со мною как свидетели этих слов: Ра владыка неба, Ра города Аринна. Сутех владыка неба, Сутех города Джапуранда, Сутех города Петраки (следует ряд Сутехов отдельных городов), Астарты страны хеттов (следует перечень семи богов и трех богинь разных стран и городов), боги гор и потоков страны хеттов, боги Кидсавадана, Амон-Ра, Сутех, боги мужские и женские гор и рек страны Египта, небо, и земля, и море, ветры и бури. Следующие слова на дощечке из серебра касаются страны хеттов и страны Египта: да опустошится дом, земля и рабы того, кто нарушит их; да дадут они здоровье и жизнь тому дому и земле и рабам того, кто сохранит их. Если убежит один человек из земли египетской или два или три, чтобы итти к царю хеттов, да задержат их и выдадут обратно Рамсесу, но да не будет поставлено против него преступление, да не опустошится дом его, его жены, его детей, да не казнят его, да не повредятся ни глаза его, ни уши, ни уста, ни ноги его (и взаимно). То, что находится посреди этой серебряной дощечки: на лицевой стороне подобие Сутеха, обнимающего великого царя страны хеттов, и слова: „печать Сутеха царя небесного; печать договора, заключенного Хаттушиллом державцем, сыном Мурсила, великим и могущественным царем хеттов“. На обратной стороне—подобие богини, обнимающей царицу земли хеттов и слова: „печать бога солнца города Аринна, владыки земли; печать Путухины, царицы земли хеттов.

дочери земли Кидзавадна... земли Аринна, владелицы их территорий, жрицы богини¹⁾.

Таков этот в высшей степени интересный документ, являющийся одним из древнейших памятников международного права. Хаттушилу принадлежит большинство найденных в Богаз-Кее документов. Находясь между могущественными соперничавшими между собой государствами, он следовал политике своего деда Суббилулиума и, заключая договор с Египтом, старался поддерживать дружественные отношения с Вавилоном. С Митанни он также находился в союзе, защищая себя таким путем от возрастающего могущества Ассирии на востоке, и в то же время поддерживал свою власть над аморитами на западе. Но вся его дипломатическая ловкость не могла предотвратить падения хеттского государства. Вскоре после 1280 г. Салманассар I завоевал страну Ханираббат (=Митанни) и „поразил войска хеттов и арамейцев, ее союзников, как овец“.

Относительно преемников Хаттушила мы осведомлены очень мало. Его сын Дудхалия издал эдикт относительно организации империи и положения важнейших вассальных государств. Другим событием его царствования было заключение договора с царем Алеппо, вероятно также касавшегося его вассальных отношений. Имя его сына и преемника Арнуанты сохранилось лишь во фрагментах двух эдиктов и одном документе, который представляет собой нечто в роде земельной или

¹⁾ Подробно о договоре см. W. M. Müller. Der Bündnisvertrag Ramses II und des Chetiterkönigs. Berlin. 1902.

кадастровой описи. С Арнуантой прекращаются документы богаз-кеевского архива (ок. 1200 до Р. Х.) Повидимому, город потерял свое господствующее значение, и центр хеттского государства перешел на юг в Кархемыш. Ассирия в это время после смерти Тукульти-ниниба временно была в упадке, египетская власть после смерти Рамсеса II также ослабела, и хетты могли в данный момент довольно свободно продвинуться к югу. При Рамсесе III мы видим их в числе нападающих на Египет малоазийских народов, но с этих пор они исчезают из египетских летописей.

Дальнейшая их судьба известна нам из ассирийских документов. Около 1200 г. власть в Малой Азии переходит к народу, имя которого впервые попадает нам в истории, мускам (москам греческих авторов), племени, повидимому, родственному фригийцам. В 1170 г. они прошли через всю Малую Азию вплоть до Куммуха, хеттского государства, лежавшего между Кархемышем и Малатией возле ассирийской границы. Угрожавшая Ассирии опасность побудила Тиглат-Пилезера I (ок. 1120 г.) выступить против них; федерация, во главе которой они стояли, была разбита, и ассирийский царь был признан в Египте законным властителем Сирии и северной Палестины. Кархемыш, однако, не был взят и сохранил свою независимость, оставаясь еще в течение некоторого времени центром хеттской власти; до нас сохранились имена некоторых его царей. К этой приблизительно эпохе, когда власть хеттов ослабела, а амориты также находились в упадке, относится поселение израильтян в Палестине; прежнее население осталось в стране, но оно разбилось на

мелкие городские общины, не имевшие общего политического центра, и организованное войско завоевателей легко могло подчинить их себе, смешавшись постепенно с туземцами; не даром несколько столетий позже Иезекиил упрекает Иерусалим, говоря: „Твой отец аморей, а мать хеттка“.

Последующая история хеттов состоит вся из борьбы с Ассирией. Одно время центром их могущества становится Киликия, о которой не раз упоминается в ассирийских летописях под именем Килакку, но она скоро сходит со сцены. Ашур-назирпал I (884 — 858) в своих походах на север и северо-запад обложил податью хеттские города Милид и Курхи, а также покорил Куммух. В 877 г. он взял Кархемыш, бывший благодаря своему географическому положению богатым торговым центром, процветавшим под властью своего царя Сангара. Его сын Салманассар III (858—824) поставил целью окончательно уничтожить хеттскую конфедерацию. В большой битве при Каркаре в 854 г. он встретился с коалицией, во главе которой стоял Бенхадад, царь Дамаска. Под его командой стояли царь Хамата Ирхулина, царь Израиля Ахав, царь Арада Матинваал, царь Сианы из северной Финикии Адониваал, царь арабов Гиндибу, царь Киликии и др. союзники. Хотя Салманассар приписывает в своих надписях победу себе, однако, повидимому, если он не был побежден, то союзники все же заставили его отступить, и после битвы ему пришлось возвратиться к себе в столицу. Последующие попытки также не имели успеха, и только Ададнирари IV (810—781) покорил Дамаск и Сирию.

На некоторое время задержало падение хеттских государств появление на севере Ассирии могущественного нового врага в лице вавского царства. Халдские племена объединились, и Сардури III ок. 750 г. проник даже в северную Сирию, побудив заключить с собой против Ассирии союз хеттские государства Милид, Гургум, Куммух и Кархемыш. Этот союз был уничтожен Тиглат-Пилезером IV (746—727).

Конец хеттской самостоятельности был положен Саргоном II (722—705). Царь Хамата Илудибии восстал против Ассирии в союзе с Симирией, Арпадом, Дамаском и Самарией, но был разбит, взят в плен и казнен. В 717 г. Пизирис, царь Кархемыша, до сих пор верный вассал Саргона, вступил в союз с Мита из Муски (т.-е. с фригийским царем Мидасом), мечтавшим возродить обширное хеттское государство, но был разбит, а Кархемыш обращен в ассирийскую провинцию. В 713 г. было уничтожено последнее хеттское царство Мараш, а также Милид, и хеттские государства навсегда потеряли свою самостоятельность; народ однако остался, остались и его обычаи и верования в виде пережитков, сохранившиеся кое-где в Малой Азии вплоть до настоящего времени¹⁾.

¹⁾ См. В. А. Гордлевский. Из религиозной жизни кызылбашей Малой Азии (Новый Восток, кн. I, стр. 259—278).

ХЕТТСКИЕ ЗАКОНЫ¹⁾

I

1. Если кто-нибудь убьет в гневе мужчину или женщину, то он должен похоронить его, а также дать четырех человек мужчин или женщин, и тогда он искупит свою вину(?).

2. Если кто-нибудь убьет в гневе раба или рабыню, то должен похоронить его, а также дать двух человек, мужчин или женщин, и тогда он искупит свою вину(?).

3. Если кто-нибудь ударит свободного мужчину или женщину и тот умрет, — если только его рука нанесла удар не нарочно, — то он должен похоронить его, а также дать двух человек, и тогда он искупит свою вину(?).

4. Если кто-нибудь ударит раба или рабыню и тот умрет, — если только его рука нанесла удар не нарочно, — то он должен похоронить его, а

¹⁾ Перевод сделан по изданию: *Hethitische Gesetze aus dem Staatsarchiv von Bogazköi (um 1300 v. Chr.) Unter Mitwirkung von Dr. J. Friederich, übersetzt von H. Zimmern. Lpz. Hinrichs 1922 (Der alte Orient XXIII. 2).*

также дать одного человека, и тогда он искупит свою вину(?).

5. Если кто-нибудь убьет купца из города Хатти, то должен он отсчитать $1\frac{1}{2}$ мины серебра, и тогда искупит свою вину(?); если это случится в земле Луийя или в земле Пала, то должен он отсчитать $1\frac{1}{2}$ мины серебра и должен дать вознаграждение за его имущество: если это случится в земле Хатти, то должен он похоронить своих купцов.

6. Если человек — мужчина или женщина — умрет в чужом городе, то должен тот, на чьей земле он умер, отметить 100 гибешшар поля и обязан труп похоронить там.

7. Если кто-нибудь ранит мужчину или женщину или выбьет у него зубы, то должен был раньше уплатить 1 мину серебра, а теперь следует уплатить только 20 сиклей серебра, и тогда он искупит свою вину(?).

8. Если кто-нибудь ранит раба или рабыню или выбьет у него зубы, то должен отсчитать 10 сиклей серебра, и тогда он искупит свою вину(?).

9. Если кто-нибудь ударит человека по голове, то должно сперва отсчитать 6 сиклей серебра, из которых обиженный берет 3 сикля серебра и для дворца берут 3 сикля серебра, но, если царь откажется от денег для дворца, то должен взять только обиженный 3 сикля серебра.

10. Если кто-нибудь оскорбит человека, причинит ему зло и сделает его неспособным к работе, то должен он дать ему человека, который работал бы в его доме до выздоровления. Если он выздоровеет, то следует ему отсчитать 6 сиклей серебра, а также уплатить гонорар врачу.

11. Если кто-нибудь сломает свободному человеку руку или ногу, то должен ему заплатить 20 сиклей серебра, и тогда он искупит свою вину (?).

12. Если кто-нибудь сломает руку или ногу рабу или рабыне, то должен он уплатить 10 сиклей серебра и тогда искупит свою вину (?).

13. Если кто-нибудь отрубит свободному человеку нос, то должен уплатить 1 мину серебра, и тогда искупит свою вину (?).

14. Если кто-нибудь отрубит нос рабу или рабыне, то должен уплатить 3 сикля серебра, и тогда искупит свою вину (?).

15. Если кто-нибудь отрежет у свободного человека ухо, то должен уплатить 12 сиклей серебра, тогда он искупит свою вину (?).

16. Если кто-нибудь отрежет рабу или рабыне ухо, то он должен уплатить 3 сикля серебра.

17. Если кто-нибудь причинит выкидыш свободной женщине, то, если ребенку был 10-й месяц, он должен уплатить 10 сиклей серебра; если же ему был 6-й месяц, то должен заплатить 5 сиклей серебра, и тогда искупит свою вину (?).

18. Если кто-нибудь причинит выкидыш рабыне, то, если ребенку был 10-й месяц, он должен уплатить 5 сиклей серебра.

19а. Если кто-нибудь из города Луийя похитит человека, мужчину или женщину, из города Хатти и увезет его в землю Луийя и его господин найдет его, то может он взять свое имущество (раба) обратно.

19б. Если кто-нибудь из города Хатти похитит в земле Хатти луийца и увезет его в землю Луийю, то раньше должно было дать 12 человек,

а теперь он должен дать только 6 человек; тогда он искупит свою вину (?).

20. Если кто-нибудь из города Хатти похитит хаттийского раба из земли Луийя и увезет его в землю Хатти и его господин найдет его, то должен он уплатить ему 12 сиклей серебра; тогда он искупит свою вину (?).

21. Если, напротив, кто-нибудь похитит луийского раба из земли Луийя и увезет его в землю Хатти и его господин найдет его, то последний должен взять своего раба себе и не получает никакого вознаграждения.

22. Если раб убежит и кто-нибудь его возвратит, то господин, если опять возьмет его на службу, должен дать находчику обувь; если по эту сторону реки, то должен уплатить 2 сикля серебра, если по ту сторону реки, то должен ему уплатить 3 сикля серебра.

23. Если раб убежит и уйдет в землю Луийя, то должен господин тому, кто возвратит его, уплатить 6 сиклей серебра; но если раб убежит и уйдет в неприятельскую землю, то может тот, кто возвратит его, взять его себе.

24. Если раб или рабыня убежит, то должен его господин тому, на чьей службе он его найдет, заплатить как жалованье мужчины по 12 сиклей в месяц; а за женщину он внесет как жалованье только по 6 сиклей серебра в месяц.

25. Если человек стряпает (?) в одном горшке или на одной сковороде, то прежде он должен был давать 6 сиклей серебра: тому, кто стряпал (?), должен был платить 3 сикля серебра, а кроме того брали для дворца 3 сикля серебра; но теперь царь отменил деньги для дворца, так что тот, кто стря-

пает (?), должен платить только 3 сикля серебра; тогда он искупает свою вину (?).

26.)

Не сохранились.

27.)

28. Если мужчина берет женщину себе в жены и вручает ей из своего движимого имущества, а также дарит из своего недвижимого имущества, то в случае смерти женщины они (ее родные) удерживают движимое имущество мужа, а свое недвижимое имущество муж может взять обратно. Если же умирает отец дома, то мужчина не может оставить своим детям свое недвижимое имущество (перевод только приблизительный).

29а. Если в то время, как девушка уже будет обещана мужу, другой попросит ее, он дает также цену жены, то должен он выплатить то, что первый дал, как цену; родители не должны уплачивать. Если же родители дают ее другому мужчине, то в этом случае вознаградить первого должны они.

29б. Но если родители отрицают свою вину, тогда они должны ясно отказать ему (т. е. второму претенденту).

30. Если девушка уже будет формально обручена с мужчиной и он дает также цену жены, а затем родители откажут, то они могут отказать мужчине, но должны за цену вознаградить его вдвое.

31. Но если мужчина не назвал девушку своей женой, и он отказывается от нее, то он должен отказаться также от цены, которую дал.

32. Если свободный мужчина и рабыня вступят в связь, они тогда соединятся друг с другом,

то он берет ее в жены, она ведет хозяйство и рождает детей, а впоследствии или они обзлятся или поссорятся друг с другом и они разойдутся, то детей должен взять к себе муж, но одного ребенка может взять жена.

33. Если раб берет в жены свободную женщину, то их правовое положение остается прежним.

34. Если раб берет рабыню, то их правовое положение остается прежним.

35. Если раб дает цену жены женщине и делает ее своей женой, то она не может никому отдать его.

36. Если приготовитель помазаний или пастух женится на свободной женщине, то ему не следует давать ей цену жены, и она на 3 года становится рабыней.

37. Если раб дает „цену жены“ свободному юноше, берет его в любовники, то его нельзя никому передать.

38. Если кто-нибудь попросит о женщине, а потом, если 2 человека или 3 человека умрут, то не будет никакого вознаграждения

39.)

Не сохранились.

40.)

41. Если воин погибнет и ленник был его помощником, ленник говорит: „Это моя военная должность, это также мое имущество“, то может он тогда взять себе поля воина, а также захватить военную должность и управлять имуществом; но если он откажется от военной должности, то должен он отказаться от освободившихся полей воина, и люди города обрабатывают их;

если царь делит добычу, тогда дают ему поля, тогда делается он воином.

42. Если ленник погибнет и воин был его помощником, воин говорит: „Это моя военная должность, это также мое имущество“, то может он взять себе поля ленника, а также захватить военную должность и управлять имуществом; но если он откажется от имущества, то поля ленника переходят к дворцу, а также освобождается имущество.

43. Если кто-нибудь наймет человека и последний пойдет в поход и умрет, то, если плата уже была дана, он не должен платить вознаграждения, но если плата еще не была дана, то должен он дать одно лицо. Как плату он должен платить 12 сиклей серебра, а за женщину, как плату, он должен платить только 6 сиклей серебра.

44. Если человек хочет согнать свой скот к реке и другой ему препятствует, так что скот остается на скотном дворе и приходится обходиться без реки, то собственник скота имеет право на водопой для скота, а кто ему мешает, у того он может его взять (перевод приблизительный).

45а. Если кто-нибудь толкнет человека в огонь и тот умрет, то он, как вознаграждение, должен дать одно лицо.

45б. Если кто-нибудь отпустит человека, который был передан ему в оковах, допуская, что он был передан ему за воровство в поле или за другое подобное преступление, то вознаграждение за это найдется перед царским судом.

46. Если кто-нибудь найдет вещь, то должен он возвратить ее собственнику, а если не возвратит, то является виновным.

47. Если кто-нибудь в городе возьмет недвижимую собственность во владение, то должен он, если все поля даны были ему вместе, выполнять барщину; если же все поля не были ему даны вместе, а только немногие были ему даны, то ему не следует выполнять барщину, он должен платить лишь с своего отцовского дома. Если он взял себе от собственника недвижимого имени поля в качестве лена или ему дали поля люди города, то он должен выполнять барщину.

48а. Если кто-нибудь получил поля в качестве царского дара, то ему не следует платить подати; царь берет хлеб со стола и дает его ему.

48б. Если кто-нибудь приобретет поля воина все вместе, он должен платить подати; если он приобретет только большую часть, то не должен платить подати; но если он приобретет поля как лен, или ему дадут их люди города, то он должен платить подати.

49. Музыкант должен платить подать, но против музыканта пусть никто не предъявит иска (?), никто не может приобретать его дома, его поля, его виноградника; кто же предъявил иск (?) против музыканта, тот теперь должен отказаться от него; музыкант может обратно взять себе то, по поводу чего он жаловался.

50. (Сохранился очень плохо.)

51. Кто из города Нерика кто из города А, кто из города Циппалантия все ткачи в городах, их дома свободны и их рабочие должны платить подать, кто же из города Аринна, тот должен ежемесячно

52. Прежде тот, кто был из города Аринна ткач его дом, его рабочие и его род

должны платить подать с имущества, соответственным образом то же касается жителя города Циппалантии.

53. Раб из каменного дома (либо сокровищницы), раб наследника престола, владелец воины, которые во время службы владеют домом и полем, должны платить подати.

54. Если воин и его дружинник будут вместе, но потом будут несогласны и их дом будет разделен, если у них всего было 10 лиц, то 7 лиц должен взять воин, а 3 лица взять его дружинник, рогатый скот и овец они должны разделить также соответственным образом. Если кто-нибудь имел грамоты о царском даре, то должен, если они делили прежние поля, воин взять две части дара, а его дружинник одну часть.

55. Ранее мандайские воины, шалаские воины, воины из города Тамалкийя, воины из города Хатра, воины из города Цалпа, воины из города Ташхинийя, воины из города Химмува, лучники, изготовители копий, оруженосцы и карухалишские люди не вносили никакой подати и не управляли никаким имуществом.

56. Когда жители города Хатти, ленники, пришли, они объявили отцу царя: „Никто не несет наемной службы, и нас они не почитают“. Отец царя отвечал в собрании: „. . . они должны быть такими же, как ваши товарищи“.

57. (Параграф неясен).

58. Если кто-нибудь украдет крупный скот, — если скотина моложе года, она не крупный скот; если она двухгодовалая, она крупный скот, — то прежде следовало дать 30 голов; теперь же он должен дать только 15 голов, а именно: 5 двух-

леток, 5 однолеток и 5 моложе одного года; тогда он освободится от своей вины (?).

59. Если кто-нибудь украдет лошадь, — если ей менее года, она не взрослая лошадь; если ей год, она не взрослая лошадь; если ей два года, она взрослая лошадь, — то прежде должно было дать 30 лошадей; теперь же он должен дать только 15 лошадей, а именно: 5 двухлеток, 5 однолеток и 5 моложе года, и тогда очистится от своей вины (?).

60. Если кто-нибудь украдет одного барана, то прежде он должен был дать 30 овец, а теперь он должен дать только 15 овец, именно: 5 шерстеновых маток, 5 баранов, 5 ягнят, тогда он очистится от своей вины.

61. Если кто-нибудь возьмет себе крупную скотину и упустит ее, а ее владелец найдет ее, то должен он дать семь штук скота, именно: 2 двухлеток, 3 однолеток, 2 моложе одного года; тогда он искупит свою вину (?).

62. Если кто-нибудь возьмет себе взрослую лошадь и упустит ее, а собственник найдет ее, то он должен дать 7 лошадей, именно 2 двухлеток, 3 однолетки, 2 моложе одного года; тогда он искупит свою вину (?).

63. Если кто-нибудь возьмет себе барана, а потом упустит его, а его собственник найдет его, то должен он дать 7 овец, именно: 2 шерстеновых матки, 3 барана, 2 ягнят, тогда очистится он от вины (?).

64. Если кто-нибудь украдет быка от плуга, то прежде он должен был дать 15 быков, а теперь ему следует дать только 10 быков, а именно:

3 двухлеток, 3 однолеток и 4 моложе одного года, и тогда он очистится от вины (?).

65. Если кто-нибудь украдет упряжную лошадь, то поступают сообразно с его деянием.

66. Если кто-нибудь украдет взрослую козу или козла, или горную овцу, то вознаграждение за последних совершенно такое же, как за взрослую козу.

67. Если заболит (неопределенное название болезни *halī*) бык от плуга, упряжная лошадь, корова, вьючная ослица, взрослая коза, шерстеносная овца или козел, то собственник должен взять ее себе обратно и должен дать наемщику замену, но последний не может привлечь его к ответственности.

68. Если кто-нибудь украдет корову, то прежде он должен был дать 12 голов; теперь же ему следует дать только 6 голов, именно: 2 двухлетки, 2 однолетки, 2 моложе одного года, и тогда он будет свободен от вины (?).

69. Если кто-нибудь украдет вьючную кобылу, то поступают сообразно с его деянием.

70. Если кто-нибудь украдет шерстеносную овцу или барана, то раньше он должен был дать 12 овец, а теперь ему следует дать всего лишь шесть, именно: 2 шерстеносных овцы, 2 барана, 2 ягненка, и тогда он освободится от вины (?).

71. Если кто-нибудь украдет быка, лошадь, мула или осла, а их собственник найдет их, то должен он взять его (скот) как вознаграждение, а кроме того вор должен дать ему еще 3 штуки, и тогда он освободится от вины (?).

72. Если кто-нибудь встретит бесхозного быка, лошадь, мула или осла, то должен он доставить

его перед трон царя. Если он нашел его в поле и старейшины отдали его ему, то может он впрягать животное. Если его собственник берет его назад, то может он взять его как вознаграждение, но не может привлечь к суду; если же старейшины не отдали, то он виновен.

73. Если бык умрет на чьем-нибудь поле, то собственник поля должен дать 2 быков, и тогда будет свободен от вины.

74. Если кто-нибудь присвоит сбежавшего быка, то такой человек рассматривается как вор.

75. Если кто-нибудь отломит рог у быка или сломает ногу быка, то он может взять быка себе, но должен собственнику быка дать хорошего быка; но если собственник быка скажет: „Я лучше возьму своего быка“, он может его взять, а тот должен уплатить ему 2 сикля серебра.

76. Если кто-нибудь запряжет быка, лошадь, мула, осла и он умрет, или его съест волк, или он как-нибудь погибнет, то он должен дать собственнику за него вознаграждение: но если он скажет: „Он умер по божьей воле“, то должен в этом покаяться.

77. Если кто-нибудь ударит быка, лошадь, мула, осла и тот у него умрет, то виновный может взять его и должен уплатить цену.

78а. Если кто-нибудь повредит стельную корову и она выкинет, то должен уплатить 2 сикля серебра; если кто повредит жеребую кобылу и она выкинет, то должен заплатить 2 сикля серебра.

78б. Если кто-нибудь вышибет глаз быку или лошади, то должен заплатить 6 сиклей серебра, и тогда будет очищен от вины.

79. Если кто-нибудь нанимает быка, тогда снимает с него сбрую или узду, если его собственник берет его назад, он должен дать ему (меру) хлеба.

80. Если бык зайдет на поле, и собственник поля найдет его, то может он запрягать его день; но когда появятся звезды, он должен возвратить его владельцу.

81. Если кто-нибудь обещает овцу волку, то ее собственник должен взять мясо, а сам он может взять шкуру овцы (перевод неясен).

82. Если кто-нибудь украдет откормленную свинью, то раньше следовало платить одну мину серебра, а теперь должно заплатить только 12 сиклей серебра, и тогда он освобождается от своей вины (?).

83. Если кто-нибудь украдет свинью, он должен уплатить 6 сиклей серебра, и тогда освобождается от своей вины (?).

84. Если кто-нибудь украдет супоросую свинью, то должен уплатить 6 сиклей серебра; также должно платить за поросенка; за двух поросят он должен дать 1 двойную меру хлеба, и тогда освобождается от своей вины (?).

85. Если кто повредит супоросую свинью и она умрет, то ответственен он сообразно со своим деянием.

86. Если кто-нибудь возьмет и украдет из числа поросят одного, то должен он дать

87. Если свинья зайдет на луг, или на поле, или в сад и там собственник луга, поля или сада повредит ее и она издохнет, то должен он отдать ее собственнику; если же не отдаст, то делается виновным.

88. Если кто повредит собаку пастуха и она издохнет, то должен заплатить 20 сиклей серебра, и тогда свободен от вины (?).

89. Если кто-нибудь повредит собаку собаководу и она издохнет, то должен заплатить 12 сиклей серебра, и тогда свободен от вины (?).

90. Если кто-нибудь повредит собаку и она издохнет, то должен заплатить 1 сикль серебра.

91. Если собака съест свиное сало, и собственник сала захватит ее и убивает, чтобы вынуть сало из ее внутренностей, то нет в этом случае никакого вознаграждения.

92. Если кто-нибудь украдет пчел из улья, то прежде должен был платить 1 мину серебра, а теперь ему следует заплатить только 5 сиклей серебра, и тогда свободен от вины (?).

93. Если кто-нибудь украдет два или три улья, то раньше следовало разрушение его ульев, теперь он платит только 6 сиклей серебра. Если кто украдет один улей и в нем не окажется пчел, то он платит только три сикля серебра.

94. Если кто-нибудь захватит свободного человека (на месте преступления), прежде чем он ушел, то он должен заплатить 12 сиклей серебра, если захватит раба прежде чем он ушел, то он должен заплатить 6 сиклей серебра.

95. Если свободный человек обворует дом, то он должен дать за это точное вознаграждение (?); раньше вор должен был дать 1 мину серебра, а теперь он уплачивает только 12 сиклей серебра;

если он украл мало, на него накладывают мало; тогда он освобождается от своей вины.

96. Если раб обворует дом, то он должен дать за это точное вознаграждение (?), вор должен заплатить 6 сиклей серебра, рабу отрезают также его нос и уши, а затем отдают его его господину; если он много украл, то на него налагают много; если он мало украл, то на него налагают мало; если его господин говорит: „Я хочу отдать за него вознаграждение“, то он может отдать вознаграждение, но если он отказывается, то это падает на самого раба.

97. Если свободный человек обкрадет хлебный амбар, унесет из амбара хлеб, то должен он наполнить амбар хлебом, а также заплатить 12 сиклей серебра, тогда он освобождается от вины (?).

98. Если раб обкрадет хлебный амбар, унесет из амбара хлеб, то он опять наполнит амбар хлебом, а также заплатит 6 сиклей серебра, тогда он освобождается от вины (?).

99. Если свободный человек сожжет дом, то он должен опять построить дом, но что погибло в доме, будет ли это человек, скот или овца, за это ему не надо платить вознаграждения.

100. Если раб сожжет дом, то его режут; если же его господин уплатит за него вознаграждение, то рабу отрезают нос и уши и отдают его господину; но если господин не уплатит вознаграждения, то раб несет ответственность.

101. Если кто-нибудь сожжет сарай с соломой и солома сгорит, то он должен за это дать солому, а также отдать сарай; но если внутри не было соломы, то он должен восстановить опять сарай.

1. Если кто-нибудь украдет виноградную лозу или яблочное дерево или дерево или светлый чеснок (?), то раньше должно было дать за 1 лозу . . . сиклей серебра, за 1 яблочное дерево 1 сикль серебра; за 1 дерево . . . сиклей серебра, за один зуб светлого чеснока 1 сикль серебра ; теперь если это делает свободный человек, то должен он уплатить 6 сиклей серебра, а если он раб, то платить ему только 3 сикля серебра.

2. Если кто-нибудь из леса (?) украдет дерево, весом в 1 талант, то должен уплатить 3 сикля серебра; если в 2 таланта, то должен уплатить 6 сиклей серебра; если в 3 таланта, то приговор произносит царь.

3. Если кто-нибудь украдет высадки, если высадки были на 1 гибешшаре (мера поверхности), то он должен опять посадить, а также заплатить один сикль серебра; если они были на 2 гибешшарах, то он должен опять посадить их, а также заплатить 2 сикля серебра.

4. Если кто-нибудь горное дерево или дерево срубит, то должен он заплатить сиклей серебра, и тогда будет свободен от вины (?).

5. Если кто-нибудь зажжет огород и его огонь охватит, если сожжет виноградные лозы, яблочные деревья, деревья, деревья, то должен он за одно дерево заплатить 6 (?) сиклей серебра, а также вновь посадить посадки. Тогда он свободен от своей

вины(?). Но если виновный раб, то он должен заплатить 3 сикля серебра.

6. Если кто-нибудь разложит огонь на своем поле, а он перейдет на соседнее и зажжет его, то виновный должен взять сожженное поле и дать зато собственнику поля хорошее поле, а также должен его снова засадить.

7. Если человек в винограднике оставит своих овец и они его обгложут, то, если это был возделанный виноградник, должен он за 1 кан (мера поверхности) заплатить 10 сиклей серебра, и тогда будет избавлен от своей вины, но если виноградник был неводелан, то должен уплатить только 5 сиклей серебра.

8. Если кто-нибудь украдет из огороженного плодового сада яблочные деревья, если было 100 деревьев, то должен он уплатить 6 сиклей серебра, и тогда будет избавлен от своей вины, но если сад не был огорожен и он украдет яблочное дерево, то должен заплатить только 3 сикля серебра.

9. Если кто-нибудь из плодового сада присвоит себе фруктовое дерево, если было 100 деревьев, то должен заплатить 6 сиклей серебра.

10. Если кто-нибудь из украдет, то должен за это дать соответствующее тому, что украл.

11—14. (Сохранились плохо и дальше большой пропуск).

15—16. (Сохранились плохо).

17. Если кто-нибудь из соседних дверей украдет птицу . . . если 10 птиц, то должен он уплатить 1 сикль серебра.

18. Если кто-нибудь свободный украдет плуг, то собственник может его и посадить его на кол (?) ; так делали прежде; теперь он должен заплатить только 6 сиклей серебра, и тогда он будет свободен от вины; если же он раб, то должен заплатить только 3 сикля серебра.

19. Если кто-нибудь украдет повозку, то раньше должен был дать 1 сикль серебра, а теперь следует заплатить только $\frac{1}{2}$ сикля серебра, и тогда будет свободен от вины.

20—21. (Сохранились плохо).

22. Если кто-нибудь украдет сундук, если кто-нибудь украдет сбрую или узду, то должен он заплатить 1 сикль серебра.

23. Если кто-нибудь украдет в воротах дворца украшение, то должен заплатить 6 сиклей серебра; если кто-нибудь украдет в воротах дворца бронзовое копье, то он должен умереть; если кто-нибудь украдет медное изображение, то он должен дать $\frac{1}{2}$ двойной меры хлеба; если кто-нибудь украдет от одной одежды, то он должен дать 1 целую одежду.

24. Если кто-нибудь украдет с намерением дверь, то он должен дать вознаграждение за все, что от этого пропадает, а также должен заплатить 1 мину серебра; тогда он будет свободен от вины(?).

25. Если кто-нибудь украдет кирпичи, то он должен за это дать соответствующее украденному; если кто-нибудь украдет из камни, то он должен за 2 камня дать 10 камней; если кто-нибудь украдет камень или жернов

с мельницы (?), то он должен уплатить 2 сикля серебра.

26. Если кто-нибудь украдет кожаное седло, кожаную сбрую и бронзовый оклад лошади или мула, то он раньше должен был дать 1 мину серебра, а теперь он должен уплатить только 12 (?) сиклей серебра, и тогда будет избавлен от своей вины (?).

27. Если кто-нибудь украдет быка или лошадь, то он должен уплатить сиклей серебра и тогда будет освобожден от своей вины (?).

28. Если кто-нибудь украдет кожаную то он должен уплатить 6 сиклей серебра, и тогда будет освобожден от своей вины (?).

29. Если свободный человек украдет то должен он уплатить 6 сиклей серебра, и тогда будет свободен от своей вины (?); если же виновный был раб, то он должен уплатить только 3 сикля серебра.

30. Если свободный человек украдет то он должен уплатить сиклей серебра и тогда будет свободен от своей вины (?); если же виновный раб, то ему следует уплатить только . . . сиклей серебра.

(Пробел в несколько параграфов).

31. (Сохранился плохо).

32. Если кто-нибудь у свободного человека украдет его медный . . . и его медный . . . то он должен . . . уплатить 6 сиклей серебра, тогда будет свободен от своей вины (?); если же это раб, то он должен уплатить только 3 сикля серебра,

33—34. (Сохранились плохо).

35. Если кто-нибудь в доме, или в городе, или в огороде, или на поле и другой идет, и через это испортится; тогда он пожалуется на него то тот, кто испортил, должен уплатить 1 мину серебра . . . жалобщик может приобрести.

36—37. (Плохо сохранились).

38. Если кто-нибудь из-за и скажет: „Оно умерло“, то его собственник может и взять его, но за это он должен дать двоих, и тогда будет свободен от своей вины.

39. Если мужчина нанимается на поденную работу, то его плату в 1 месяц составляют сиклей серебра, но если на поденную работу нанимается женщина, то плата ей в месяц только сиклей серебра.

40. Если кто-нибудь нанимает быка для плуга, то плата за 1 месяц 1 сикль серебра; но если он нанимает корову, то за нее плата в 1 месяц только . . . сикля серебра.

41. Если кто-нибудь нанимает упряжную лошадь, то за нее плата в 1 месяц сикль серебра. (Пробел в несколько параграфов).

42. Если кто-нибудь возьмет в долг бронзовый, вес которого 1 мина, то плата в 1 месяц 1 сикль серебра; если медный . . . , вес которого $\frac{1}{2}$ мины, то плата за 1 месяц $\frac{1}{2}$ сикля серебра; если, вес которого 1 мина, то плата за 1 месяц $\frac{1}{2}$ сикля серебра.

43. Если мужчина нанимается на поденную работу, хлеб,, повозкой пользоваться, дом . . . , то его плата за 2 месяца 30 двойных мер хлеба; если же на поденную работу нанимается женщина, то ей за два месяца дают только 12 (?) двойных мер хлеба.

44. Если кто-нибудь запрягает бычачью упряжку, то его плата составляет $\frac{1}{2}$ двойной меры хлеба.

45. Если кузнец исправляет медный сундук в мин, то его плата $1\frac{1}{2}$ двойных меры хлеба; если же он исправляет медный . . . , вес которого 2 мины, то его плата 1 двойная мера ячменя.

46. Если он исправляет медный , вес которого 1 мина, то его плата 1 двойная мера хлеба.

47. Если кто-нибудь отведет канал назад, то должен уплатить 1 сикль серебра; если кто-нибудь отведет канал с заду на верх, то ; если он отведет его вниз, то пусть так и будет.

48. (Плохо сохранился).

49. Если кто-нибудь отправится для жатвы(?), то должен он различать, совершить ли ему жертвоприношение чистым медом или вином

50. Тогда дать 1 овцу, 10 хлебов, 1 кружку пива, когда он будет очищать опять свой дом; но как скоро пройдет год, он тогда свой дом

51. Если кто-нибудь сеет семя на семя, кладет плуг на его верх запрягает сбрую быков, гонит одну часть туда, а другую сюда, люди умирают, быки также умирают; но кто впервые засеял поле, он может взять его себе; раньше делали так.

52. Теперь он должен принести 1 овцу, которая установлена, как замена человека, 2 овцы, как замена быков, 30 хлебов, 3 кружки пива, тогда он опять очистит дом; но кто впервые засеял поле, тот может тотчас взять его себе (?).

53. Если кто освящает границу поля, то должен он доставить 1 (неизвестное название животного),

собственник поля должен отделить от поля 1 гибешшар, и там поместить его; кто освящает границу, должен принести 1 овцу, 10 хлебов, 1 кружку пива, тогда он опять очистит поле.

54. Если кто-нибудь приобретет поле, он должен освятить границы, взять жидкого меда, который посвящен солнечному богу и должен сказать: „ “ Безразлично будет ли он призывать бога Тешуба или солнечного бога.

55. Если свободный человек убьет змею и при этом произнесет имя другого человека, то он должен заплатить одну мину серебра; если же это сделает раб, то он должен умереть.

56. (Не вполне сохранившийся неясный параграф).

57. Если кто-нибудь в голодный год поддержит свободного человека, то должен тот дать вместо себя замену; но если он сделает это с рабом, то ему следует дать только 10 сиклей серебра.

58. Если кто будет насмехаться над судом царя, то его дом следует обратить в развалины; если кто-нибудь будет насмехаться над судом высокоуважаемых, то должно отрубить ему голову. Если раб так поступит со своим господином, его следует отвести в „горшок“ (вероятно, тюрьму).

59. Если из людей, которые подрались друг с другом, один умрет, то виновный должен дать одно лицо.

60. Если овечий пастух или приготовитель помазаний берет 3 жены свободную женщину, то она должна 2 или 4 года быть рабыней, а также могут ее дети и никто не может искать на суде

61. Если кто-нибудь купит взрослую скотину, которая находится в больном состоянии (hali), то можно подать жалобу в царский суд. В течение 3 лет такое животное должно быть бесплодно; бык для плуга, баран, козел в продолжении 3 лет должны быть бесплодны. Если кто-нибудь нанимает ремесленника, будет ли это горшечник, кузнец, столяр, сапожник, портной, ткач или . . . суконник, то должен он уплатить 10 сиклей серебра.

62. Если кто-нибудь нанимает испытанного птицегадателя (?), то должен он уплатить 25 сиклей серебра; если он нанимает еще неиспытанного — мужчину или женщину безразлично, — то следует заплатить только 20 сиклей серебра.

63. За плужного быка цена 15 (?) сиклей серебра; за взрослого быка цена 10 сиклей серебра; за взрослую корову цена 7 сиклей серебра; за 1 плужного быка и 1 корову однолеток цена 5 (?) сиклей серебра; за быка моложе одного года должно платить 4 сикля серебра; за стельную корову цена 7 сиклей серебра; за теленка — 2 сикля серебра; за 1 жеребца, 1 вьючную кобылу, 1 осла, 1 вьючную ослицу цена соответствует выше указанным.

64. Если кто-нибудь приобретает 1 овцу, цена 1 сикль серебра; за 3 козы цена 2 сикля серебра; за 2 теленка цена 1 сикль серебра; за 2 козленка цена $\frac{1}{3}$ сикля серебра.

65. Если кто-нибудь покупает упряжную лошадь, то цена 20 (?) сиклей серебра; за 1 мула цена 1 мина серебра; за 1 лошадь цена 14 сиклей серебра; за 1 годовалую вьючную кобылицу цена 15 сиклей серебра.

66. За 1 жеребца и 1 вьючную кобылу моложе одного года цена 4 сикля серебра. За 4 мины медью цена 1 сикль серебра; за 1 двойную меру благовонного масла цена 2 сикля серебра; за 1 тройную меру свиного сала цена 1 сикль серебра; за 1 тройную меру жирного молока 1 сикль серебра; за 2 сыра, за 3 куса дрожжей 1 сикль серебра.

67. За 1 одежду цена 12 сиклей серебра; за 1 одежду 30 сиклей серебра; за 1 голубую шерстяную одежду 20 сиклей серебра; за 1 одежду 10 сиклей серебра; за 1 одежду 3 сикля серебра; за 1 одежду 4 сикля серебра; за 1 одежду 1 сикль серебра; за 1 кафтан цена 3 сикля серебра; за 1 кафтан цена 3 сикля серебра; за 1 кафтан . . . сиклей серебра.

68. За 1, вес которых 7 мин, цена . . . сиклей серебра; за 1 холстяной сверток 5 сиклей серебра.

69. За 3 двойных меры ячменя цена 1 сикль серебра; за 4 двойных меры . . . сиклей серебра; за 1 двойную меру вина $\frac{1}{2}$ сикля серебра; за одну двойную меру . . . сикля серебра; за 1 ган (мера поверхности) . . . поля 3 сикля серебра; за 1 ган надельного поля 2 сикля серебра . . . отборного 1 сикль серебра.

70. Этот тариф для города; страна же равно

71. За 1 ган виноградника цена 1 мина серебра; за шкуру взрослого быка 1 сикль серебра; за 5 штук быков до одного года 1 сикль серебра; 10 шкур телят 1 сикль серебра; за мех одной . . . овцы 1 сикль серебра; за 10 мехов . . . овец

1 сикль серебра; за 4 козьих меха 1 сикль серебра; за 15 мехов коз 1 сикль серебра; за 20 мехов ягнят 1 сикль серебра; за 20 мехов козлят 1 сикль серебра. Кто приобретает мясо 2 взрослых быков, должен дать за него 1 овцу.

72. Кто приобретает мясо двух однолетних быков, должен дать за них 1 овцу; кто приобретает мясо 5 быков до году, должен дать 1 овцу; кто приобретает мясо 10 овец, должен дать одну овцу; кто приобретает мясо 20 ягнят, должен дать за него одну овцу; кто приобретает мясо 20 козлят, должен дать за него 1 овцу.

73. Если мужчина изнасилуется быка, то в наказание он должен умереть; его приводят перед царскую дверь, и царь может его убить, но царь может также даровать ему жизнь; но он не может появляться перед царем.

74. Если мужчина изнасилуется (неизвестное животное), то в наказание он должен умереть; его приводят перед царскую дверь, и царь может его убить, но царь может и даровать ему жизнь, но он не может появляться перед царем.

75. Если мужчина изнасилуется собственную мать, то да будет наказан; если мужчина изнасилуется дочь, то да будет наказан, если мужчина изнасилуется сына, то да будет наказан.

76. Если они отдались ему добровольно, мужчина или женщина, то не может быть преследования. Если мужчина изнасилуется свою матеку, то нет преследования, но если его отец еще жив, то да будет наказан.

77. Если свободный мужчина сожительствует с несколькими свободными женщинами, одной

в одной стране, а другой в другой стране, то нет преследования (пробел).

78. Если умрет муж женщины, то его законная жена может взять часть мужа то нет преследования.

79. Если мужчина женится на женщине, то после смерти мужа, его брат должен взять его жену, так же как может ее взять его отец; если же его отец также умрет, то брат, у которого уже есть жена, может ее взять, и за это нет преследования.

80. Если свободный человек сожительствует с несколькими рабынями, то нет преследования. Если свободный человек сожительствует с собственными родственницами, то нет преследования. Если рабыня или проститутка сожительствует с отцом и сыном, то нет преследования.

81. Если мужчина сожительствует с законной женой своего брата, когда его брат еще жив, то да будет наказан. Если мужчина женится на свободной женщине, а также имеет связь с ее дочерью, то да будет наказан. Если он женится на дочери, а также имеет связь с ее матерью или ее сестрой, да будет наказан.

82. Если кто-нибудь соблазняет своего слугу и свою служанку, то должно взять их, и одного поселить в одном чужом городе, другую в другом чужом городе, назначив за каждого 1 овцу как замену.

83. Если мужчина захватит женщину в горах, то это насилие мужчины, и он должен умереть; но если он ее захватит в доме, то женщина также совершает насилие, и она также должна умереть.

Если муж захватит их обоих и убьет, то против него нет преследования.

84. Но если он их обоих приведет к дворцовым палатам и скажет: „Моя законная жена не умрет“, и он дарует ей таким образом жизнь, то должен он даровать жизнь и нарушителю брака, однако он может покрыть его голову (т. е. обратить его в рабство). Но если он скажет: „Оба они должны умереть“, тогда да будет наказание . . . он может их убить(?). Царь имеет право казнить их, а также имеет право сохранить их жизнь.

85. Если кто-нибудь изнасилует свинью или собаку, он должен умереть. Такого приводят к дворцовой двери, и царь может поразить его, царь может также оставить ему жизнь. Но такой человек не может появляться перед царем. Если бык набросится на человека, то бык должен умереть, а человек не осуждается на смерть, 1 овца должна быть заместителем человека и должна быть убита. Если свинья набросится на человека, то не бывает преследования.

86. Если мужчина изнасилует лошадь или мула, то нет преследования, но он не может появляться перед царем и не может быть жрецом Если он сожительствует с беременной и та . . . то нет преследований.

Перевел с немецкого
А. А. Захаров.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие И. Н. Бороздина	7
ХЕТТЫ — Статья Ж. Контено, перев. с франц. Н. Хлебниковой	13
ХЕТТСКАЯ КУЛЬТУРА — Статья проф. А. А. Захарова	
1. Очерк изучения хеттов	42
2. Памятники хеттов	47
3. Происхождение и язык хеттов	92
4. История хеттов	109
ХЕТТСКИЕ ЗАКОНЫ — перев. А. А. Захарова	126

„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

П. Ами	— „Искатели золота“.
Г. д'Аннунцио	— „Ноктюрн“, ц. 1 р.
П. Бенуа	— „Атлантида“, ц. 60 к.
	— „Дорога гигантов“, ц. 75 к.
Г. Бергстедт	— „Александрсен“, ц. 1 р. 75 к.
	— „Праздник Йоргена“, ц. 90 к.
Берже	— „В то время, как он сражался“.
А. Бери	— „Страдания толстяка“, ц. 50 к.
С. Бржозовский	— „Зарево“, роман из эпохи народо-
вольцев. ц. 1 р. 25 к.
Ф. Верфелъ	— „Человек из зеркала“, пьеса, ц. 60 к.
К. Гамсун	— „Соки земли“, ц. 65 к.
Г. Гауптман	— „Зимняя баллада“, пьеса, ц. 33 к.
П. Гзелль	— „Беседы А. Франса“, ц. 70 к.
О. Генри	— Рассказы, ц. 1 р.
	— „Короли и капуста“, ц. 90 к.
Р. Гольст	— Лирические драмы, ц. 45 к.
Ж. Дюамель	— „Полуночная исповедь“, ц. 75 к.
С. Лагерлев	— „Гномы и люди“, рассказы, ц. 35 к.
Р. Маран	— „Батуала“, ц. 45 к.
К. Мейринк	— „Голем“, ц. 70 к.
М. Маркс	— „Женщина“, ц. 50 к.
М. Метерлинка	— „Белая невеста“, пьеса, ц. 40 к.
Дж. Мэйзфилд	— Пьесы, ц. 60 к.
Паналаги	— Ц. 30 к.
Дж. Панини	— „Конченный человек“, ц. 1 р. 20 к.
Ж. Ромэн	— „Доногоо-Тонка“, ц. 25 к.
Р. Роллан	— „Кола Бренъон“, ц. 70 к.
	— „Пьер и Люс“, ц. 35 к.
	— „Клерамбо“, ц. 1 р.
	— „Аннетт и Сильвия“, ц. 55 к.

„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“

Дж. Синг	— „Герой“, пьеса, ц. 55 к.
Э. Синклер	— „Сто процентов“, ц. 75 к.
	— „Ад“, ц. 75 к.
Струг	— „Деньги“, 1 р. 40 к.
Г. Уэллс	— „Неугасимый огонь“, ц. 40 к.
Ф. Уиру	— „Драмы“, ц. 1 р. 10 к.
А. Франс	— „Жизнь в цвету“, ц. 80 к.
Л. Франк	— „Человек добр“, ц. 30 к.
Л. Фульда	— „Тень осла“, ц. 80 к.
К. Штернгейм	— „Четыре новеллы“, ц. 50 к.
Б. Шо	— „Назад к Мафусаилу“.
К. Эдмунд	— „Шесть притоков“, новеллы, ц. 60 к.
	— „Тимур“, рассказы.
К. Эйсер	— „Испытание богов“.
Экспрессионизм	— Сборник статей, с иллюстрациями,
ц. 1 р. 40 к.

СЕРИЯ ДЕТСКИХ КНИГ:

	„Английские детские песни“, пересказ С. Маршака, много-
красочн. рисунки В. Конашевича,
ц. 1 р.
В. Гауф	— „Сказки“, с рис. Ю. Черкесова,
ц. 1 р. 10 к.
Д. Дефо	— „Робинсон Крузо“, сокращ. изд. с
иллюстр. Гранвиля, ц. 1 р. 50 к.
Р. Распе	— „Мюнхгаузен“, с рис. Густ. Доре,
ц. 70 к.
М. Твен	— „Приключения Тома“, с иллюстр.
Н. Э. Радлова, ц. 1 р. 60 к.

Цены обозначены в червонцах по курсу Госбанка.

„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“

ПЕЧАТАЕТСЯ:

Вольтер	— „Орлеанская девственница“.
Гамсун	— „Городок Сегельфос“.
Б. Богавский	— „Эгейская культура“.
<i>„Французская революция в провинции и на фронте“.</i>	
Деллюк	— „В дебрях кинематографа“.
Зелигер	— „Петер Фосс“.
Э. По	— „Поэзия“.
Миомандр	— „Золотой телец“.
Петроний	— „Сатирикон“.
О. Генри	— „Записки жулика“.

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА:

МОСКВА, Ильинка, Биржевая пл., Богоявленский пер., 4.
ЛЕНИНГРАД, Проспект 25-го Октября (Невский), 28.

МАГАЗИНЫ ТОРГСЕКТОРА:

В Москве: 1) Советская площадь, под гост. „Дрезден“, тел. 1-28-94, 2) Моховая ул., под гост. б. „Националь“, тел. 1-31-50. 3) Ул. Герцена (Б. Никитская), 13, зд. Консерватории, тел. 2-64-95, 4) Никольская ул., д. 3, тел. 49-51. 5) Серпуховская пл., 1/43, тел. 1-84-82. 6) Кузнецкий мост, 13, тел. 1-01-35, 7) Лялинский пер., 11. 8) М. Харитоньевский пер., 4.

В Ленинграде: 1) Проспект 25-го Октября (Невский), 28, 2) Ул. Володарского (Литейный пр.), 21. 3) Проспект 25-го октября (Невский), 13.

МАТВИН 40
Б. 2.

2034/1254

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ЛЕНИНГРАД
Моховая, № 36.